

ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

—
КНИЖКА XIII.
—

ИЗДАНА ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

П. Ю. Небольсина,

ДѢЙСТВИТЕЛЬНОГО ЧЛЕНА ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

—
Съ 8-ю таблицами рисунковъ.

С. ШТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

1852.

**О ДОСТОПРИМѢЧАТЕЛЬНЬШИХЪ ПАМЯТНИКАХЪ
СИБИРСКИХЪ ДРЕВНОСТЕЙ
и
СХОДСТВЪ НѢКОТОРЫХЪ ИЗЪ НИХЪ СЪ ВЕЛИКОРУССКИМИ.**

О ДОСТОПРИМЪЧАТЕЛЬНѢЙШИХЪ ПАМЯТНИКАХЪ
СИБИРСКИХЪ ДРЕВНОСТЕЙ

И СХОДСТВѢ НѢКОТОРЫХЪ ИЗЪ НИХЪ СЪ ВЕЛИКОРУССКИМИ.

Съ того времени, какъ Сибирь стала русскою землею, многое въ ней изслѣдовано и совершено; не смотря, однакожъ, на то, сколько еще остается загадочнаго и невоздѣланнаго! Не касаясь уже съвера, обреченаго, какъ будто самой природою, на вѣчный умственный мракъ и безплодіе, ограничимся на этотъ разъ только южною частью Сибири, которую природа облагодѣтельствовала до избытка и, повидимому, предназначила для всегдашней общежитительной дѣятельности.

Древніе обитатели сибирскаго юга оставили по себѣ такие памятники, которыхъ изслѣдованіе сколько важно для археологіи и этнографіи, столько же и для всеобщей исторіи, не говоря уже о многихъ другихъ предметахъ, которыхъ современная наука также не должна упускать изъ виду. Изъисканія подобнаго рода могутъ пролить нѣкоторый свѣтъ и на одинъ изъ довольно-темныхъ историческихъ вопросовъ, какой представляеть переселеніе азіатскихъ народовъ на европейскую почву. Кромѣ того, можемъ ли

знать, какие обильные плоды принесетъ эта невоздѣланная сибирская почва, если явится на ней трудолюбивые дѣлатели?

Высокія горы, опоясывая и пересѣкая въ различныхъ направленахъ югъ Сибири, устранили обитателей его отъ соединенныхъ народовъ и представляли имъ много безопаснѣихъ убѣжищъ отъ внѣшихъ волненій и смутъ. Но сила, однакожь, и здѣсь, какъ и вездѣ, брала верхъ надъ безсильными племенами, которыя, поэому, не могли не принимать невольного участія въ переворотахъ, какимъ бы то ни было образомъ измѣнявшихъ прежній порядокъ вещей.

При покореніи Сибири русскимъ оружіемъ, въ исходѣ XVI и въ началѣ XVII вѣка, погруженные въ невѣжество обитатели ея не могли сообщить намъ никакихъ преданій о своихъ предшественникахъ, и мы были бы въ совершенномъ о нихъ невѣдѣніи, еслибы время не сохранило памятниковъ ихъ существованія. Могло статься, что порабощенные сильнѣйшимъ племенемъ, аборигены эти сдѣлались ничтожными его рабами, или оттѣснены имъ въ другія отдаленнѣйшія мѣста, или, наконецъ, во время невѣдомыхъ намъ событий, удалились сами изъ родной своей страны. Во всякомъ случаѣ, впрочемъ, нынѣшніе обитатели южной Сибири, представляя нѣкоторыя рѣзкія отличія отъ древнихъ ея племенъ, и не совсѣмъ чужды имъ, если не по происхожденію, то по кочевому своему образу жизни.

Сохранившіеся до нашего времени памятники древности^{***} доказываютъ, что прежніе обитатели Сибири стояли на гораздо-высшей степени образованія, сравнительно съ нынѣшними ея племенами. Главные изъ памятниковъ суть: курганы, съ поставленными иногда на нихъ каменными истуканами; рудныя разработки, или такъ-называемыя «чудскія копи», представляющія въ нѣкоторыхъ мѣстахъ слѣды самой выплавки и промывки рудъ; городища и развалины нѣкотораго рода построекъ; начертанія разнородныхъ предметовъ и даже буквенныхъ, доселѣ не разгаданныхъ, знаковъ на рѣчныхъ скалахъ и отдѣльныхъ камняхъ; наконецъ, изображенные краскою надписи, значенія которыхъ, по-видимому, должно скорѣе тѣмъ послѣднихъ обнаружиться. Всѣ эти памятники древности относятся къ эпохамъ, если не самымъ отдаленнымъ, то, по-крайней-мѣрѣ, предшествовавшимъ покоренію Сибири. Удивляя настъ самобытнымъ, необычайнымъ воспроизве-

деніемъ своимъ, они, въ то же время, для суевърныхъ туземцевъ, служать одни — предметами обожанія, другіе — боязни, какъ дѣло злыхъ духовъ.

Въ давнее пребываніе свое въ Сибири, я, по возможности, старался собирать свѣдѣнія о всѣхъ исчисленныхъ здѣсь памятникахъ древности и приобрѣтать точныя изображенія тѣхъ изъ нихъ, которые почему-нибудь особенно замѣчательны. Возвратясь потомъ въ С. Петербургъ, въ предпринятомъ и издававшемся тогда мною «Сибирскомъ Вѣстникѣ», все это сообщалъ я въ особыхъ статьяхъ, подъ рубрикою «Записки о Сибирскихъ древностяхъ» (1818 г. Ч. I, стр. 67 — 85, Ч. II, стр. 147 — 177, Ч. VII, стр. 1 — 28, гдѣ, на XII таблицахъ, помѣщены и рисунки). Покойный государственный канцлеръ графъ Н. Н. Румянцовъ, по просвѣщенной своей любви ко всему отечественному, не оставилъ безъ вниманія и этотъ трудъ мой. Находя особенно любопытными древнія начертанія и надписи и предвидя нѣкоторую надежду къ скорѣйшему ихъ разъясненію, онъ пожелалъ, чтобы я для него на первый разъ составилъ о нихъ только извлеченіе изъ «Записокъ», чѣдь и было мною исполнено.

Въ тоже время, по распоряженію графа Н. Н. Румянцова, покойный академикъ Фил. Ив. Кругъ сдѣланное мною извлеченіе перевелъ на латинскій языкъ и, съ принадлежащими къ тому VII таблицами рисунковъ, издалъ особою книжкою, подъ заглавіемъ: *Inscriptiones Sibiriacaе. De antiquis quibusdam sculpturis et inscriptionibus in Siberia repertis, scripsit Gregorius Spassky, Imperiali Academiae Petropolitanae litterarum commercio junctus, Petropoli* 1822. Книжка эта разослана была къ нѣкоторымъ изъ нашихъ и иностранныхъ ученыхъ. Сужденія ихъ по этому предмету будутъ мною сообщены далѣе. Въ бытность въ С.-Петербургѣ знаменитаго барона А. Гумбольдта, при отправленіи его въ путешествіе по Средней Азіи и Сибири, представилъ я и ему книжку, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими изданными мною на русскомъ языкѣ, и удостоился получить отъ него слѣдующій собственноручный отзывъ:

Monsieur!

Veuillez bien agréer, Monsieur, l'expression de ma vive reconnaissance pour l'interessant et instructif envoi que je dois à Vôtre bienveillance. Il serait à désirer que Vos occupations administratives puissent Vous laisser plus de temps de poursuivre une carrière si glorieusement ouverte par Vos recherches sur les monumens des peuples sibériens.

Je suis avec la plus haute considération

Monsieur

Vôtre très humble et très obeissant serviteur
(signé) Al. Humboldt.

St.-Pétersbourg, à Samedi

11 décembre
29 novembre 1829.

à M. l'Oberberghauptmann de Spassky.

Такое снисходительное вниманіе ученѣйшихъ мужей къ слабымъ, хотя и усерднымъ, моимъ трудамъ и, въ особенности, выраженное въ этомъ письмѣ желаніе одного изъ великихъ поборниковъ науки о неослабномъ продолженіи изысканій моихъ надъ памятниками сибирскихъ народовъ, не могли не возбудить во мнѣ новыхъ силъ къ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ избраннаго мною предмета. Съ тѣхъ-поръ я не переставалъ слѣдить за всѣми, касающимися Сибири, изданіями и бывть въ непрерывномъ съ нею сношеніи, посредствомъ постоянной переписки съ любознательными лицами и старинными моими знакомыми. Не могу не упомянуть здѣсь съ душевною признательностью о г. енисейскомъ гражданскомъ губернаторѣ В. К. Падалкѣ, доставившемъ мнѣ нѣкоторые изъ сообщаемыхъ теперь рисунковъ, и о служащемъ подъ его начальствомъ князѣ Н. А. Костровѣ, снабдившемъ меня разными дополнительными о сибирскихъ памятникахъ свѣдѣніями.

Такимъ образомъ, запасаясь сообщенными мнѣ, равно какъ и прежде полученными мною, лично, на самомъ мѣстѣ, свѣдѣніями, я имѣлъ случай ко всему тому, что относительно кургановъ, начертаний и надписей было мною издано, присоединить новые факты и много данныхъ, служащихъ къ большему развитію или пополненію прежнихъ моихъ изысканій. Поездка въ Крымъ и почти четырехлѣтнее мое тамъ пребываніе доставили мнѣ средства обозрѣть многіе курганы Новороссійскаго-Края. Внимательное

наблюдение и сравнение этихъ памятниковъ привели меня къ мысли о тождествѣ ихъ съ прежде видѣнными мною въ Сибири. По-крайней мѣрѣ, я нахожусь теперь въ полномъ убѣжденіи, что въ сооруженіи тѣхъ и другихъ кургановъ, строители ихъ руководствовались одинаковою мыслью.

Недавно обнародованныя гг. Гревингкомъ и Шведомъ группы начертаній, снятыхъ съ прибрежныхъ скалъ восточной части Онежского-Озера, также сходны съ тѣми сибирскими начертаніями, которыхъ изображенія первый находилъ у Страненберга и въ моихъ «Inscriptiones Sibiriaca». Но еще большее сходство открывается между онежскими начертаніями и прилагаемыми къ настоящему сочиненію, вновь открытыми въ Сибири. Этотъ фактъ, кажется, вполнѣ свидѣтельствуетъ объ этнологическомъ сближеніи древней Руси съ отдаленою и такъ долго невѣдомою Сибирью.

По особенной важности кургановъ, начертаній и надписей, противъ другихъ, прежде мною описанныхъ и изданныхъ, древностей, я ограничиваюсь только первыми и въ прилагаемомъ теперь сочиненіи, подъ заглавиемъ: «О достопримѣчательнѣиихъ памятникахъ сибирскихъ древностей и сходствѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ съ великокорусскими». Целься не желать, чтобы этотъ посильный трудъ мой сколько-нибудь могъ напутствовать къ новымъ подобного рода открытиямъ и историко-географическимъ выводамъ.

Для лучшаго достиженія подобной цѣли, я принялъ смѣость посвятить это сочиненіе Императорскому Русскому Географическому Обществу. Льщу себя надеждою, что оно не будетъ лишено благосклоннаго его вниманія, если не по достоинству своему, то по неуклоненію отъ цѣлей Общества, заключая въ себѣ свѣдѣнія, не совсѣмъ чуждыя ни географіи, ни этнографіи, составляющихъ главные предметы его дѣятельности.

I. КУРГАНЫ.

Памятники древности, известные подъ именемъ кургановъ, разсѣяны на всемъ пространствѣ Сибири почти до 55° широты, по долготѣ же—на востокъ до Охотскаго Моря, а на западъ до самой оконечности Сибири; далѣе по Уралу, Камъ, Волгѣ и прочимъ соединеннымъ съ ними рѣкамъ, до морей Азовскаго и Чернаго, равно какъ и по степямъ днѣпровскимъ.

Курганы, находящіеся въ южной Сибири, особенно въ окрестностяхъ Алтайскихъ и Саянскихъ Горъ, по верховьямъ Оби и Енисея, представляютъ иногда на своей поверхности, кромѣ земляныхъ насыпей, обстановленныхъ почти всегда каменными плитами, грубыя изваянія изъ камня, изображающія людей, преимущественно мужескаго пола. По мѣрѣ удаленія оттуда, изваянія эти встрѣчаются рѣже и начинаютъ показываться, даже въ большемъ числѣ и развитіи, не прежде какъ у Азовскаго Моря, свидѣтельствуя, что народъ, ихъ соорудившій, какъ будто бы ближайшія къ Сибири мѣста прошелъ лишь мимоходомъ, а на отдаленныхъ отъ нея держался долгое время, и притомъ осѣдло. Здѣсь самыя эти изваянія отличаются отъ сибирскихъ болѣе тщательною отдѣлкою, такъ-что въ нихъ легко можно распознавать типъ народа, пропорцію членовъ, равно одежду и украшенія обоихъ половъ. Еще Амміанъ Мар-

целинъ, упоминая о статуяхъ, находящихся на прибрежьяхъ Евксинского Понта, видѣлъ типъ Гунновъ въ лицахъ этихъ статуй¹). Изъ позднѣйшихъ писателей, Палласъ того же мнѣнія, и думаетъ, что подъ именемъ Гунновъ былъ извѣстенъ народъ монгольского племени и не иной, какъ орда Элетовъ, по преданію Калмыковъ, издавна удалившаяся на западъ²).

Въ самомъ дѣлѣ, однородность Гунновъ съ Монголами, или все равно съ Калмыками, и пребываніе ихъ въ Сибири, подтверждаютъ и китайскіе лѣтописцы. Такъ-какъ въ новѣйшее время нѣкоторые изъ европейскихъ ученыхъ начали причислять этотъ народъ къ финскому племени и выводить его съ Волги и Урала³), то нeliшнимъ, кажется, будетъ включить здѣсь самый разсказъ о томъ Китайцевъ, заимствованный сокращенно изъ полученного мною отъ покойнаго О. Іакинеа рукописнаго перевода съ китайскаго текста. Вотъ что говорятъ Китайцы:

«Монголы (слишкомъ за два вѣка до нашего счисленія) раздѣлялись на двѣ отрасли: западную — Хунну и восточную — Дунъ-ху. Западная распространялась по окрестностямъ горныхъ хребтовъ: Алтайскаго виѣ Китая, и Ханхайскаго и Инь-

1) Амміанъ Марцеллинъ былъ почти современникомъ нашествія Гунновъ, послѣдовавшаго въ 376 году.

2) *Nouveau Voyage dans les gouvernemens de l'Empire de Russie dans les annÃ©es 1793 et 1794*, par P. S. Pallas. Paris, 1801. T. I, p. 372 et 373.

3) «Энциклопедический Лексиконъ», 1838, Т. XV, стр. 429, гдѣ, въ началѣ статьи о Гуннахъ, сказано: «Гунны, народъ сборный, состоявшій изъ разноплеменныхъ поколѣній, покоренныхъ однимъ поколѣніемъ, которое, кажется, было финское, жило, въ началѣ христіанской эры, около Волги и Урала, откуда по-томъ двинулось съ страшною силою на Римскую Имперію, при царѣ своемъ Аттилѣ». Между тѣмъ видимъ изъ исторіи: 1) что Гунны задолго до Аттилы, именно въ 376 г. по Р. Х., появились уже на Дону и, послѣ порабощенія и, частію, изгнанія оттуда и съ береговъ Азовскаго Моря обитавшихъ тамъ Готовъ, заняли ихъ мѣста; 2) что въ 382 году къ царю ихъ, именемъ Донату, было посольство отъ Римлянъ, и 3) что по коварномъ умерщвленіи его, преемственно были царями у Гунновъ: Харатонъ, Руа и Мундзикъ, отецъ Атилы, родившагося въ 406 году. (Извѣстія Византійскихъ Историковъ и проч. Штріттера, Ч. II, стр. 64—73).

шань на его границахъ; восточная же занимала съ запада всю нагорную полосу между песками (Шамо) и землею Тунгусовъ, отъ Корейского Моря до хребта Хинганского.

«Родоначальникъ владѣтелей западныхъ Монголовъ, или Хунновъ, по имени Шунь-Вэй, происходилъ отъ китайского царствующаго дома Хя-хэу. Онъ, вышедъ изъ Китая, водврился между ними на съверъ. Восточные Монголы издавна находились подъ владычествомъ одного и того же дома Дунъ-ху.

«Нападенія Хунновъ на пограничныя области Китая не- сколько разъ вызывали непріязненные дѣйствія Китайцевъ, бравшихъ всегда надъ ними верхъ. Напослѣдокъ посланный противъ Хунновъ, китайскій полководецъ Мынъ-Тыхашъ прогналъ ихъ въ дальній съверъ, и они не смѣли возобновлять своихъ набѣговъ до тѣхъ-поръ, доколѣ не избрали своимъ владѣтелемъ храбраго Модэ. Этотъ Модэ, покоривъ не- сколько пограничныхъ областей Китая и уничтоживъ властителя восточныхъ Монголовъ, возвратилъ всѣ земли, отнятые у Хунновъ Мынъ-Тыхянемъ, и сдѣлся опаснымъ соперникомъ Китайцевъ.

«По сложеніи съ себя владѣтелемъ Дунъ-Ху ханскаго титула, восточные Монголы стали постоянными данниками западныхъ и платили имъ ясакъ, до новаго порабощенія ихъ самихъ (за 121 г. до Р. Х.) китайскимъ военачальникомъ Яо-Кюй-Бинъ и переселенія ихъ за границу области Джи-ли, откуда, однакоже, по усиленіи своеимъ, не переставали они тревожить набѣгами Китай. Долго спустя, терпѣливые Китайцы приняли противъ нихъ рѣшительныя мѣры. Послано было (въ 206 г. по Р. Х.) войско, подъ предводительствомъ храбраго Цао-Цао и они покорены уже окончательно.

«Межу-тѣмъ вскорѣ возстаютъ противъ Китая новые сильнейшіе враги. Это одно изъ поколѣній восточныхъ Монголовъ, отдѣлившееся отъ нихъ, еще во время побѣды, одержанной западными Монголами надъ Дунъ-Ху, на южную сторону рѣки

Шара-мурэнъ, въ окрестности горъ Сянь-би, которыхъ имя усвоили они и себѣ. Хотя властители ихъ были всегда даниками Китая, и даже одинъ изъ нихъ, именемъ Шегуй, за оказанныя услуги въ войнѣ, получилъ отъ Китайцевъ почетный титулъ Цань-Юя, сынъ и преемникъ его Муонъ-Хой былъ образованъ китайскими учителями и счастливо вель войну съ собственными народами, а внукъ его Муонъ-Хуанъ достигъ самой Кореи: несмотря на то, однакожъ, преемникъ послѣдняго, Муонъ-Цзюнь обнаружилъ старые замыслы своихъ предковъ противъ Китая и не захотѣлъ быть болѣе подъ его властью. Онъ, собравъ до двухъ сотъ тысячъ лучшихъ ратниковъ, повелъ ихъ противъ Китайцевъ и, послѣ нѣсколькихъ удачныхъ поражений, занялъ самый Пекинъ (въ 350 г. по Р. Х.), предавъ казни взятаго въ пленъ хана Джань-Миня, приорднаго Хуна изъ дома ДжАО и, по предложению чиновъ, принялъ его титулъ. Прибывшему въ то время, еще къ Джань-Миню, посланнику отъ китайского владѣльчаго дома Цзинь, Муонъ-Цзюнь, въ оправданіе своего насильственнаго завладѣнія Пекиномъ, сказалъ: «По возвращеніи, донеси своему Сыну Неба (хану), что Срединное Государство (сѣверный Китай), не имѣя достойнѣйшаго человѣка, избрало меня ханомъ».

Изъ всего этого можно, кажется, заключить, что предки Гунновъ, если они же и Хуны, обитали въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ Сибири, гдѣ донынѣ встрѣчаемъ еще такъ-много кургановъ, сходныхъ съ днѣпровскими, равно какъ и другихъ загадочныхъ памятниковъ древности, совершенно чуждыхъ нынѣшимъ обитателямъ тамошняго края. Очевидно, что когда восточные Монголы, бывшиe постоянными врагами Гунновъ, овладѣли сѣвернымъ Китаемъ и, по умерщвленіи хана изъ ихъ рода, возвели своего, для Гунновъ болѣе ничего не оставалось, какъ, во избѣженіе порабощенія, или совершенного истребленія, покинуть тамошнюю страну, при всѣхъ ея выгодахъ для кочевой жизни, и искать другой, болѣе безопасной, даже вѣ-

предѣловъ Азіи. Такимъ образомъ, блуждая по смежнымъ съ Сибирью степямъ и, далѣе, въ тогдашихъ пустыняхъ по Волгѣ и Камѣ, достигли они до прибрежій Азовскаго и Чернаго Морей, гдѣ, найдя какъ бы подобіе прежней свой страны — край столь же веселый и привольный, даже еще съ болѣе умѣреннымъ климатомъ — рѣшились водвориться въ немъ. Но какъ край этотъ дорогъ былъ и для туземцевъ, то должно было съ ними помѣряться силами — за чѣмъ не стало дѣло у пришельцевъ, основывавшихъ притязанія свои единственно на правѣ сильнаго: они легко овладѣли страною, истребивъ и прогнавъ жителей, но, по враждебному своему духу, не могли ужиться мирно съ ближними и дальными сосѣдями, затѣвая съ ними безпрестанныя войны. Наконецъ одинъ изъ ихъ властителей, ужасный Аттила, прозванный бичемъ Божіимъ (*flagellum Dei*), съ ними и союзниками ихъ, такими же варварами, привелъ въ трепетъ почти павшій уже тогда Римъ и всю западную Европу. Огонь и мечъ были ихъ спутниками, повсемѣстное опустошеніе ознаменовывало повсюду слѣды ихъ. Къ счастію, владычество Аттилы тяготѣло надъ міромъ не болѣе 20 лѣтъ и алчная къ завоеваніямъ душа его была доступна и другимъ человѣческимъ помысламъ. Влюбившись въ Гильдегунду (Ильдику), дочь какого-то германскаго вождя, онъ женился на ней и первая брачная ночь была послѣднею въ его жизни. Гильдегунда умертвила его сонаго (въ 454 г.), на 49 году жизни. Вскорѣ по смерти Аттилы, полчища его разсѣялись и самое имя Гунновъ исчезло.

Но возвратимся къ нашему предмету.

По ближайшемъ сравненіи кургановъ указанныхъ нами мѣсть, предположеніе объ однородствѣ ихъ соорудителей получаетъ еще болѣе вѣроятности. Хотя неизвѣстно, чтобы днѣпровскіе или другіе тамошніе курганы заключали въ себѣ такія дорогія металлическія вещи, какъ сибирскіе, все же вещи эти имѣли такое же значеніе и зарытіе ихъ съ покойниками

было следствиемъ, вѣроятно, одинакового обыкновенія. Поставляемыя на курганахъ изваянія, или статуи, еще болѣе свидѣтельствуютъ въ пользу такого мнѣнія. Онъ, можетъ быть, въ окрестностяхъ Азовскаго Моря и на днѣпровскихъ степяхъ, отчасти служили и для отличенія самыхъ могилъ отъ сооруженныхъ Скиѳами, или другими, обитавшими здѣсь, народами, которые также имѣли обычай дѣлать высокія насыпи надъ тѣлами умершихъ, но не ставили надъ ними никакихъ памятниковъ и не дѣлали этого, можетъ быть, вслѣдствіе какихъ-либо особыхъ побудительныхъ причинъ. Отсюда должно происходить и самый избытокъ тамъ этихъ статуй, противъ Сибири; а менѣе грубая отдѣлка не зависѣла ли отъ самаго свойства камней (какъ было мною уже нѣкогда замѣчено): здѣсь они чаше известковые, въ Сибири же гранитъ и песчаникъ, по твердости своей, не столь удобные къ обработкѣ¹⁾).

Изъ статуй, поставленныхъ на курганахъ, особенно въ Сибири, не смотря на ихъ карикатурность, всегда ясно можно отличать мужскія отъ женскихъ. Почти всегда замѣтны въ лицахъ монгольскія черты, хотя обезображенныя и не искусною рукою производителей, и самимъ временемъ, при свободномъ дѣйствіи на нихъ воздуха. Нѣкоторые изъ статуй представляютъ совершенное олицетвореніе какого-нибудь Аттилы, вождя Гунновъ, который, по словамъ Йорнанда, имѣлъ голову большую, цвѣтъ лица смуглый, носъ плоскій, небольшіе сверкающіе огнемъ глаза, быть почти безбородъ и, при посредственномъ ростѣ, имѣлъ широкую грудь и короткій станъ²⁾.

Для сравненія сибирскихъ древнихъ курганныхъ статуй съ великорусскими, представляю здѣсь нѣкоторые изъ тѣхъ и другихъ, сохранившіяся до нашего времени.

1) «Записки Одесского Общества Исторіи и Древностей». Одесса, 1844 г. Ч. I, стр. 593.

2) *Jornandes, de rebus Gothicis* c. 53.

а. Древняя статуи Сибирской.

(Табл. I.)

Въ предълахъ Алтайскихъ Горъ.

№ 1. Воинъ, отличающейся длинными усами и страннымъ нарядомъ. Онъ изъченъ изъ гранита, держитъ въ правой руке, противъ груди, сосудъ, въ родѣ обыкновенной чашки, а въ лѣвой — мечъ, повидимому въ ножнахъ, съ двумя сверху зубцами. Эта статуя вывезена была, въ мое время, изъ Алтайскихъ Горъ въ Барнаулъ, гдѣ и срисована.

№ 2. Статуя нагой женщины, съ цилиндрическимъ сосудомъ въ рукахъ: она стоитъ еще на курганѣ, при устьѣ рѣчки Пихтовки, впадающей въ Чарышъ съ лѣвой стороны, близъ самаго верховья.

№ 3. Та же статуя въ боку.

На Сагайской степи, въ верховье Енисея.

№ 4. Каджи-ташъ, на языкѣ кочевыхъ инородцевъ — мужчина-камень; вытесанъ изъ краснаго песчаника; прежде стоялъ на курганѣ, близъ устья рѣчки Ассыса, впадающей слѣва въ Абаканъ; теперь лежитъ на землѣ. На передней сторонѣ изъчено грудное изображеніе мертваго человѣка, держащаго въ правой руке нѣчто кругловатое, а въ лѣвой, у самой груди, цилиндрическій сосудъ. Съ праваго бока камня изображено ухо покойника; ниже — родѣ копья или древка съ значкомъ, раздѣленнымъ на три лопасти, по срединѣ скобка, снизу птичка надъ треугольникомъ, пересѣченнымъ двумя поперечными чертами; еще ниже какое-то животное, обращенное вправо, и подъ нимъ сидящій младенецъ, съ чашкою въ рукахъ. Съ лѣваго бока — другое ухо покойника и подъ нимъ нѣчто неясное; въ самомъ низу прежнее животное; впереди его —

стоящей человѣкъ съ огромнымъ лукомъ, далѣе — сидящій на чёмъ-то, съ обращеннымъ къ первому подобнымъ прежнему значкомъ.

№ 5. Кызъ-ташъ, или дѣвица-камень, при сходствѣ во всемъ съ предъидущимъ камнемъ, отличается отъ него изображеніями. На передней сторонѣ представлена молодая женщина, у которой на головѣ небольшая шапочка; правая рука ея прижата къ груди, а въ лѣвой, можетъ быть, чашка, не вполнѣ изсѣченная, или отъ времени потерявшая первоначальный видъ. На правомъ боку камня шесть верблюдовъ, идущихъ одинъ за другимъ снизу. На верху лѣваго бока головка съ неяснымъ изображеніемъ рукъ и прочихъ частей тѣла; ниже конь, потомъ младенецъ, съ островерхою шапочкою на головѣ, и подъ нимъ верблюдъ. Значеніе всѣхъ этихъ начертаній определить трудно, хотя подобными начертаніями на камняхъ, поставленныхъ возлѣ одного кургана, по близости этихъ статуй и въ двухъ верстахъ отъ устья рѣчки Ини, тамошніе инородцы и придаютъ нѣкоторый смыслъ. Этотъ послѣдній курганъ имѣть въ вышину до 3 и занимаетъ мѣсто въ квадратѣ до 10 саженъ. Передъ нимъ стоять три камня, называемые отъ инородцевъ общимъ именемъ Карадушъ, или Богатырь-камень. На среднемъ изъ нихъ изсѣчено большое длинное лицо, обращенное внизъ, въ ознаменованіе будто бы того, что этотъ человѣкъ умеръ, или пошелъ въ землю (следовательно, то же значеніе должны имѣть и нѣсколько другихъ въ тамошнемъ краю камней, поставленныхъ на курганахъ также внизъ головою). На второмъ камнѣ, стоящемъ на правую сторону, который, имѣя вышины 2 арш. 14 верш., превосходитъ въ томъ прочие, сделаны 32 глубокія зарубки, принимаемыя за показія роста или лѣтъ богатыря. Третій камень, по лѣвую сторону, испещренъ множествомъ разныхъ изображеній, изъ которыхъ упомянутія, по понятію инородцевъ, означаютъ:

солнце — умъ богатыря; медвѣдь — силу; сосудъ — любовь къ пирамъ; плеть — строгость.

б. Древнія статуи Великорусскія.

Въ окрестностяхъ Азовскаго Моря.

№ 1. Мужская статуя изъ известняка. Круглая шапочка на головѣ, въ родѣ фески, покрывающая только маковку; окружность головы голая, а остающіеся волосы, раздѣляясь съ темени на три косы, соединяются на спинѣ; платье короткое, съ широкими ремнями или тесмами, идущими чрезъ плеча; сапоги длинные; въ рукахъ сосудъ, держимый ниже брюха.

№ 2. Женская статуя, также изъ известняка. На головѣ шапочка такая же, какъ и у мужчины, съ окольшемъ, или широкою боковою нашивкою; волосъ спереди не видно; на шеѣ ожерелье, въ три ряда; сосудъ въ рукахъ вѣсколько длиннѣе и болѣе съуженъ вверху, чѣмъ у мужской статуи. Палласъ, отъ котораго заимствованы эти описанія и оба рисунка, находитъ въ одеждѣ, особенно мужчины, сходство съ употребляемою и въ настоящее время Монголами; плоское и широкое лицо мужчины и женщины, также признаетъ онъ совершенно монгольскимъ, а держимая ими на животѣ чашка, по мнѣнію его, напоминаетъ тибетскихъ идоловъ. (*Nouveau Voyage etc.* T. I. p. 372).

Если сосудъ, видимый въ рукахъ этихъ и другихъ статуй, поставленныхъ на курганахъ сибирскихъ и великорусскихъ, въ самомъ дѣлѣ и напоминаетъ, какъ думалъ Палласъ, о тибетскихъ или вообще о буддійскихъ идолахъ (бурханахъ), то едва ли въ томъ же самомъ значеніи. Тамъ дается онъ въ руки только немногихъ добрыхъ божествъ, каковы Шигемони, Аюша, Абира и пр. (потому-что есть еще множество злыхъ божествъ, имѣющихъ другіе, и именно карательные атрибуты), въ означеніе, можетъ быть, приносимыхъ имъ жертвъ отъ

плодовъ земныхъ. Эти божества представляются всегда въ одинаковомъ, усвоенномъ имъ благообразномъ видѣ; напротивъ того, статуи на курганахъ изображаются въ чрезвычайномъ разнообразіи и притомъ въ обыкновенной одеждѣ, даже часто и безъ нея; словомъ, въ нихъ нѣтъ ничего божественнаго. Цѣль изваянія этихъ статуй столько же загадочна, сколько сомнительна связь ихъ съ буддизмомъ. Религія эта распространилась виѣ Тибета и Китая еще недавно, и донынѣ ее приняли не все обитатели Сибири монгольского и манжурского племени: многіе остаются въ шаманствѣ, несмотря на всю ревность ламъ къ отклоненію ихъ отъ него. Извѣстно, что шаманство есть одно изъ древнѣйшихъ вѣрованій, западшее, вѣроятно, въ Сибирь съ незапамятныхъ временъ извѣтъ. Мы мало еще съ нимъ знакомы, потому-что оно основано единственно на преданіяхъ, а не на книжномъ ученіи, подобно буддизму. Знаемъ, впрочемъ, что и шаманство имѣть своихъ боговъ и подвластныхъ имъ духовъ, честуемыхъ разными жертвами, которыя шаманы обыкновенно присвоиваютъ себѣ. Не оттуда ли заимствуютъ свое начало и ставимыя на курганахъ статуи? Въ раскопанныхъ доселѣ курганахъ не встрѣчалось ничего, что могло бы противорѣчить такому предположенію и указывать на связь покойниковъ съ буддизмомъ, или какимъ-либо другимъ вѣрованіемъ. Не были-ль эти статуи своего рода апоѳеозами для лицъ, заслужившихъ чѣмъ-либо особенное уваженіе народа, какъ это видимъ у древнихъ Египтянъ, Грековъ и Римлянъ? У самыхъ буддистовъ, Хубилганы — не кто иные, какъ обожествленные люди, не имѣющіе ни власти, ни чествованія боговъ, но признаваемые близкими посредниками между ними и родомъ человѣческимъ, и также удостоиваемые иногда олицетворенія.

Съ Днѣпровскихъ кургановъ.

№ 3. Мужская статуя. На головѣ шапочка, подобная той,

какую видимъ у предъидущей мужской статуи; въ рукахъ, у живота, цилиндрический сосудъ; статуя изсъчена въ одномъ лишь нижнемъ платьѣ.

№ 4. Та же статуя сзади.

№ 5. Женская статуя. На головѣ, сверхъ шапочки, нѣчто въ родѣ шляпы; волосы съ боковъ головы, повидимому, заплетены въ короткія косички; на шеѣ и груди ожерелья; въ рукахъ такой же, какъ у мужской статуи, сосудъ. Представлена только до половины.

№ 6. Та же статуя съ боку.

№ 7. Та же статуя сзади.

При одной изъ поѣздокъ моихъ по Крыму и его окрестностямъ, находясь въ 1836 г. въ м. Никополѣ, я видѣлъ еще тамъ эти статуи, гдѣ тогдѣ же сняты съ нихъ и рисунки. Вскорѣ послѣ того онѣ отправлены были въ Одессу, а оттуда за границу. Всѣ три статуи сняты были съ близкихъ отъ Никополя кургановъ. Нельзя не пожалѣть, что подобные памятники древности не остаются на своихъ мѣстахъ: они или увозятся вдалъ, или остаются и вблизи, но закладываются въ стѣны домовъ, или употребляются на воротные столбы. Между тѣмъ, стоя на курганахъ, они имѣли бы болѣе значенія и могли бы лучше служить къ разрѣшенію темныхъ вопросовъ о ихъ древности и цѣли сооруженія. Но что сдѣлано, того ужь не воротишь. Покрайней-мѣрѣ будемъ внимательнѣе къ тѣмъ немногимъ статуямъ, которые еще не тронуты съ своихъ мѣсть.

При окончательномъ решеніи вопроса о соорудителяхъ кургановъ, кромѣ статуй, поставленныхъ на этихъ курганахъ, должно также обратить вниманіе и на другіе предметы, преимущественно на сохранившіяся въ нихъ кости покойниковъ. Если дѣйствительно курганы обязаны своимъ существованіемъ народу монгольского племени, то кому неизвѣстны отличительные признаки головы и лица этого народа: узкій и почти четырехугольный лобъ, малый и продолговатый прорѣзъ для

глазъ, выдавшіяся скеловыя кости и остроконечный подбородокъ. Къ сожалѣнію, очень мало разрыто кургановъ съ ученою цѣлью, а болѣе изъ корыстолюбивыхъ видовъ. Послѣднія раскопки, какъ противозаконныя, производились, обыкновенно, тайнымъ образомъ и любопытные предметы, извлеченные изъ нѣдръ этихъ гробовыхъ жилищъ, совершенно потеряны для науки. Изъ добытыхъ же въ курганахъ вещей важнѣйшія, и особенно сделанныя изъ дорогихъ металловъ, почти всѣ перелиты и получили другое употребленіе. Наконецъ, сохранившіяся отъ этого вандализма мѣдныя и костяные вещи, переходя изъ рукъ въ руки, достигали иногда и до людей, обращавшихъ на нихъ просвѣщенное вниманіе, но лишенныхъ свѣдѣній какъ о мѣстѣ находокъ, такъ и первоначальномъ ихъ значеніи¹⁾.

1) Въ бытность мою въ Сибири, пріобрѣто мною нѣсколько такихъ вещей, вырытыхъ изъ кургановъ близъ Саянскихъ и Алтайскихъ горъ. Эти вещи, какъ и курганы, имѣютъ тамъ название чудскихъ, можетъ быть, отъ слова чудный, удивительный, а не отъ Чуди, какъ пменовали нѣкогда на Руси Финновъ, потому что о сходствѣ съ ними древнихъ обитателей Сибири, оставившихъ намъ курганы, сходствѣ, предполагаемомъ новѣйшими учеными, вѣроятно, и не снилось наименовавшимъ такъ эти курганы. Почти всѣ сказанныя вещи описаны и изображены были мною въ »Сибирскомъ Вѣстнике« и пожертвованы въ Императорскую Публичную Библіотеку, по званію моему почетнаго ея библіотекаря. Въ отчетѣ директора Библіотеки, напечатанномъ въ 1818 году (стр. 85, 173 — 176), онѣ также обозначены и, сверхъ того, показанъ головной черепъ, вырытый изъ чудскаго же кургана, едва ли не первый, вполнѣ сохранившийся отъ тленія. Опъ принесенъ мною въ даръ Библіотекѣ, какъ предметъ довольно рѣдкій и важный, по ясному свидѣтельству его о монгольскомъ происхожденіи покойника, такому свидѣтельству, которое можно распространить отчасти и на прочіе курганы, отличающіеся тѣми же наружными признаками. Сверхъ того должно замѣтить, что однообразіе формы монгольского головного черепа поразительно: если мы видѣли одну голову Монгола, или Калмыка, то видѣли ужъ всѣ головы этого народа. Послѣ доставлено мнѣ еще много вырытыхъ изъ кургановъ мѣдныхъ и костяныхъ вещей, въ особенности отъ покойнаго тайного совѣтника и сенатора П. К. Фролова, бывшаго прежде томскимъ гражданскимъ губернаторомъ и главнымъ начальникомъ Алтайскихъ заводовъ. Изъ этихъ послѣднихъ вещей большая часть передана мною въ 1843 г. М. И. Шогодину, для лучшаго сбереженія ихъ между рѣдкостями его музея; а остальная въ 1847 г. поступили къ графу А. С. Уварову, которому, въ то же время, подаренъ мною и атласъ, содержацій въ себѣ

Наблюдательный и всеобъемлющий Палласъ, во время путешествія своего по Сибири, при огромности сдѣланныхъ имъ открытій по естественнымъ наукамъ, не оставилъ также безъ вниманія и древнихъ тамошнихъ кургановъ. Не довольствуясь полученными о нихъ многими изустными свѣдѣніями, большую частію отъ тѣхъ самыхъ людей, для которыхъ раскопка кургановъ составляла еще тогда родъ промысла, онъ приказалъ разрыть ихъ при себѣ, ограничясь, впрочемъ, только двумя. Оба эти кургана находились въ степи, на лѣвой сторонѣ рѣки Абакана, близъ устья рѣчки Аскыса и недалеко отъ поставленной на одномъ курганѣ уродливой женской статуи, которая известна у кочующихъ тамъ инородцевъ подъ названіемъ »Куртъякъ-ташъ« (каменная старуха). Въ первомъ курганѣ, по углубленіи на два аршина, найдены были истлевшія кости многихъ труповъ, лежавшихъ, въ беспорядкѣ, ногами вмѣстѣ и, между прочимъ, попалась хорошо сохранившаяся человѣческая челюсть съ зубами, но другихъ головныхъ костей не было. Сверхъ того вырыто нѣсколько черепьевъ отъ глиняныхъ горшковъ, очень обгорѣлыхъ и, изъ числа ихъ, одинъ совсѣмъ новый; также зеленоватый кораллъ, похожій на финифть. Во второмъ курганѣ, безъ насыпи, на двухъ-аршинной глубинѣ, дoryлись до настланнаго, изъ каменныхъ плитъ, пола, подъ которымъ все пространство наполнено было землею, и нашли сохранившіяся отъ тленія, большой величины ребра покойника, лежавшаго, какъ по нимъ можно заключить, головою къ востоку, но ни головного черепа, ни другихъ костей не оказалось: все они обратились въ прахъ. Возлѣ того мѣста, гдѣ должно быть головѣ, сохранились разныя конскія и бычьи кости; съ правой стороны положеннаго сверху камня находились разда-

чертежи чудскихъ вещей, какъ полученныхъ мною отъ покойнаго Фролова, такъ и другихъ разныхъ. Хотя и при этомъ атласъ недостаетъ описания мѣстъ, гдѣ именно найдены были эти вещи, однакожъ, во всякомъ случаѣ, не безполезно было издать его въ свѣтъ.

вленные горшечные черепья, а съ лѣвой лежалъ обломокъ какого-то искривленного дерева. Кромѣ того, въ срединѣ, надъ головою, найдена тонкая золотая бляшка, величиною въ пол-тинникъ, прикрепленная къ пережавшой мѣдной пуговицѣ, которая, можетъ статься, была пашита на женской шапкѣ.

Таковы скучные находки Палласа въ двухъ разрытыхъ имъ курганахъ. Не смотря, однакожь, на это, по уваженію древности кургановъ, доказываемой чрезвычайною гнилостью найденныхъ въ нихъ костей, онъ хотѣлъ разрыть ихъ еще нѣсколько, но, не имѣя въ виду свѣдущихъ въ томъ людей и не желая терять напрасно времени, не могъ уже на это рѣшиться. Собранныя имъ свѣдѣнія о курганахъ привели его къ заключенію, что обыкновеннѣйшіе изъ нихъ, въ тамошнемъ kraю, содержали въ себѣ преимущественно золотые бляшки, маленькие серебряные сосуды и другія подобныя вещицы, и не заслуживають почти никакого вниманія. Найденное въ этихъ курганахъ золото доказываетъ только то, что они принадлежали другому народу и, безъ сомнѣнія, тому, который наиболѣе занимался горнымъ промысломъ¹⁾.

Въ 1852 году я получилъ свѣдѣніе изъ города Красноярска (Енис. губер.) отъ князя Н. А. Кострова, что чиновникъ особыхъ поручений Главнаго Управленія Восточной Сибири, Л. Ф. Титовъ въ 1850 г. произвелъ раскопку пяти кургановъ и могиль въ верховье р. Енисея, и пріобрѣлъ изъ нихъ до сотни разныхъ вещей желѣзныхъ (известно однакожь, что въ древнѣйшихъ курганахъ желѣзныхъ вещей не попадалось), мѣдныхъ и золотыхъ. Замѣчательнѣйшія изъ нихъ: стрѣлы, какой-то особой формы; мѣдное блюдечко (изломанное), съ изображенными на немъ птицами и рыбами, равно какъ и замѣтными следами надписи; золотая подвеска (отъ серьги), въ видѣ вер-

1) Voyages du professeur Pallas dans plusieurs provinces de l'Empire de Russie et dans l'Asie septentrionale. Paris, 1793, T. VI, p. 242—246

блюда, изящной отдельки, отъ которой не отреклось бы и новѣйшее искусство. Вместо блюдечка, не должно ли разумѣть китайскаго зеркала¹⁾? Въ одной изъ могиль, разрытыхъ г. Титовымъ, кромѣ покойника, который лежалъ не на востокъ головою, какъ обыкновенно, а на западъ, съ сложенными на крестъ руками, стояло, по угламъ склепа, четыре чугунныхъ горшка, наполненныхъ изрубленными человѣческими (?) kostями, залитыми въ какой-то жидкости.

Курганы, встречающіеся на прибрежьяхъ Азовскаго моря и по степямъ днѣпровскимъ, относительно внутренняго ихъ состоянія, знакомы намъ еще менѣе сибирскихъ. Предпринятое недавно тщательное и весьма интересное изслѣдованіе могиль (курганами ихъ тамъ не называютъ) въ Киевской губер-

1) У бывшаго енисейскаго губернатора Степанова, по собственному его показанію, было до 20 металлическихъ зеркалъ, вырытыхъ изъ кургановъ, и нѣкоторыя изъ нихъ, крою различныхъ изображеній, представляли еще и буквенные знаки (Енисейская Губернія, Спб. 1835. Ч. I, стр. 126 и 127). Любопытно бы знать, гдѣ эти зеркала находятся теперь, послѣ его кончины, и знаки, названные имъ буквами, не составляютъ ли цѣлыхъ надписей, которыя не могли ль бы, отчасти, служить къ опредѣлению времени сооруженія самыхъ тѣхъ кургановъ, откуда получены эти зеркала? Такъ надпись на одномъ подобномъ зеркаль, неизвѣстно гдѣ найденномъ, по переводу г. Леоптьевскаго (Записки Императорскаго Археол. Общ. 1851 г. Т. IV, кн. I, стр. 79) показала, что зеркало это принадлежало какому-то Юянь-Тану, а по другому переводу той же надписи выходитъ, что оно сдѣлано изъ металла, добытаго изъ рудника княжества Танскаго, существовавшаго въ Китаѣ съ 1186 г. по 227 годъ до Р. Х. Въ числѣ чудскихъ вещей, поступившихъ отъ меня, какъ выше замѣчено, въ Императорскую Цубличную Библіотеку, къ М. Н. Погодину и къ графу А. С. Уварову, были и металлическія зеркала, но съ одними изображеніями, безъ буквъ и надписей. Должно впрочемъ осторегаться, чтобы этихъ зеркалъ не смѣшать съ храмовыми медалями, на которыя они иногда очень похожи, особенно съ тѣми, которыя имѣютъ изображенія только съ одной стороны, какихъ не мало поѹщено въ превосходномъ атласѣ монетъ и медалей Китая и смежныхъ съ нимъ азіатскихъ государствъ, изданномъ барономъ С. И. Шодуаромъ. Не думаю, чтобы зеркала зарыvаемы были въ курганы по религіозному ихъ значенію, какъ полагалъ покойный Степановъ; вѣроятнѣе всего, у язычниковъ существовалъ обычай зарывать вмѣстѣ съ покойникомъ вещи, употреблявшіяся имъ при жизни. Вещи эти могли они получать въ видѣ товара, изъ сосѣдственного Китая, а можетъ быть, отчасти, изготавляли и сами.

ній, къ сожалѣнію, не распространилось за черту этой губерніи. Изъ разрытаго же тамъ множества могилъ, не многія представляютъ сходство съ предыдущими: оно заключается въ томъ, что и въ нихъ найдены также человѣческіе остатки, вмѣстѣ съ лошадиными, и разные остатки конской сбруи и вещей, употреблявшихся покойниками при жизни. Замѣчательнѣйшая изъ нихъ двѣ могилы: одна — Кіевскаго уѣзда въ селеніи Слободкѣ, близъ мѣстечка Кагарлыка, гдѣ, въ 1831 году, случайно, вырыты были человѣческія кости и, подъ ними, лошадиныя; также удила, стремена и мечъ; другая — въ трехъ шагахъ отъ того мѣста: въ ней найденъ досчатый гробъ съ человѣческимъ же оставомъ и, подъ нимъ, лошадиняя кости, удила, стремена и двѣ пряжки¹⁾). Могилы эти, какъ можно заключать по сохранившимся въ нихъ отъ тленія костямъ и даже по деревянному гробу, нельзя относить къ глубокой древности; а къ совершенному удостовѣренію, что въ нихъ зарыты люди монгольского племени, недостаетъ описанія ихъ головныхъ череповъ. Да и вообще, при раскопкѣ могилъ, не было обращено вниманія на этотъ предметъ, котораго важность, при археологическихъ этого рода изысканіяхъ, совершенно неоспорима. Въ доказательство монгольского, или, по крайней-мѣрѣ, восточнаго происхожденія нѣкоторыхъ изъ могилъ Кіевской губерніи, могутъ также служить и изображенные описателемъ ихъ двѣ, такъ называемыя »Каменные бабы«. Опѣ, по всей вѣроятности, сняты съ ближнихъ кургановъ и перевезены оттуда на нынѣшнія мѣста, чemu видимъ много примѣровъ на степяхъ днѣпровскихъ. Одна изъ этихъ статуй находится въ селеніи Суботинѣ и образуетъ каменный безобразный брусь, въ которомъ, однакожъ, по словамъ описателя МОГИЛЪ, »всмотрѣвшись, можно примѣтить грубо-высѣченную

1) Обозрѣніе могилъ, валовъ и городищъ Кіевской губерніи, изданное, по Высочайшему соизволенію, кіевскимъ гражданскимъ губернаторомъ Иваномъ Фунду克莱емъ. Кіевъ, 1848, стр. 36.

»фигуру человѣка, особенно же тѣмъ, которые видѣли ми-
жество такихъ истукановъ въ Екатеринославской губерніи«. Другая статуя, въ саду селенія Мервина, представляетъ жен-
щину съ сложенными руками, распущенными волосами и съ
коническою шапкою на головѣ¹⁾). Она совершенно сходство-
вала бы съ подобными статуями кургановъ днѣпровскихъ,
еслибъ въ отработкѣ ея было менѣе искусства и еслибъ у ней,
вместо распущеныхъ волосъ, были косы, а въ рукахъ сосудъ,
постоянная принадлежность днѣпровскихъ статуй. Но едва ли
сказанными отличіями не обязана она рисовальщику?

Неизвѣстно, чтобы въ Новороссійскомъ краѣ и въ окрест-
ностяхъ Азовскаго моря былъ раскопанъ хотя одинъ, особенно
по чему либо замѣчательный, курганъ, и тѣмъ болѣе съ древ-
нею статуей. Правда, въ 1852 году разрываемъ былъ сначала
г. Бухтѣевымъ, а потомъ г. Терещенкомъ, курганъ, находя-
щійся въ 50 верстахъ отъ м. Никополя (Екатеринославской
губерніи), въ 18 верстахъ отъ рѣчки Бузувлука, впадающей въ
Днѣпръ, и, по близости д. Александроволя, курганъ, котораго
отвѣсная высота составляетъ (по Бухтѣеву) 13 сажень, окруж-
ность вверху 50 и при основаніи 150 сажень; но изъ найден-
ныхъ въ немъ золотыхъ, серебряныхъ и мѣдныхъ вещей
(между которыми попались даже грифоны, съ крыльями на го-
ловѣ), должно заключить, что этотъ курганъ скиѳскій. Раз-
рытие другаго кургана, отъ Александровольскаго, на югъ, вер-
стахъ въ 30, который почти не уступаетъ первому въ величинѣ
и извѣстенъ у жителей подъ названіемъ »Толстой могилы«, бо-
лѣе относилось бы къ нашему предмету. На поверхности этого
кургана была и статуя, или, по мѣстному выражению, »Камен-
ная баба«. Статуя называлась бабою; но никто не зналъ и не
знаетъ, мужчину ли она представляла, или женщину? чѣо,

1) Тамъ же стр. 76, рисунокъ XIV, лит. а, в.

впрочемъ, на самомъ дѣлѣ, иногда трудно и опредѣлить, особенно при разрушеніи камня съ поверхности, отъ дѣйствія воздуха.

II. НАЧЕРТАНИЯ.

Отъ изслѣдований о сходствѣ сибирскихъ кургановъ съ великорусскими, переходу къ тождественнымъ вещественнымъ начертаніямъ (*in rebus*), открытыхъ на прибрежныхъ скалахъ въ Сибири и, частію, въ Россіи. Уже издавна было замѣчено, что этихъ начертаній, по неприступности скалъ, на которыхъ они находятся, равно какъ по грубости и необычайности самой отработки, не должно считать ни произведеніями позднѣйшаго времени, ни надписями, изсѣченными только для забавы, какими-нибудь праздными людьми, но что они, подобно курганамъ, представляютъ памятники, сохранившіеся отъ глубокой древности. Можно догадываться, что древніе обитатели тѣхъ мѣстъ, по незнакомству еще ихъ съ легчайшихъ способомъ, посредствомъ буквенныхъ знаковъ, изъясненія мыслей и понятій, хотѣли, въ этихъ простыхъ и незатѣйливыхъ начертаніяхъ, передать своимъ потомкамъ о какихъ-либо современныхъ имъ, не лишенныхъ важности, событияхъ. Въ такомъ случаѣ, начертанія эти представляютъ собою живыя, олицетворенные лѣтописи. Съ этой-то точки зрѣнія и постараемся ихъ разсмотрѣть.

Слишкомъ за сто лѣтъ, Страленбергъ сообщилъ ученому свѣту рисунки подобныхъ начертаній, найденныхъ на прибрежномъ утесѣ р. Томи, близъ г. Кузнецка, а также и въ Перми, близъ г. Чердыни¹⁾). Первый изъ этихъ рисунковъ из-

1) Strahlenberg, Das Nord und östliche Theil von Europa und Asia etc. Stockholm. 1730, in 4, p. 337, Tab. VII et VIII.

данъ былъ и мною, съ другаго, впрочемъ, снимка, въ «Сибирскомъ Вѣстникѣ» (1818. Ч. 1, стр. 73, Т. 1) и въ *Inscriptiones Sibiriacaes* (1822, р. 1. Т. 1). Теперь, когда того же рода начертанія найдены въ необъятной дали отъ Сибири, именно на берегу Онежскаго озера, они приобрѣтаютъ еще болѣе значенія. Начертанія эти существуютъ здѣсь противъ г. Петрозаводска и возлѣ д. Бѣсовца, гдѣ берегъ озера изгибается въ правильный полукругъ и образуетъ пространную бухту, въ оконечностяхъ которой лежать два гранитные мыса, называемые *Бѣсомъ* и *Бѣсихою*. Такъ мысы эти называются отъ того, что на нихъ, по суевѣрію народному, жилъ нѣкогда бѣсь съ бѣсихою; при распространеніи въ тамошнемъ краѣ христіанской вѣры, когда на одномъ изъ мысовъ было выбито знаменіе креста, бѣсь и бѣсиха утонули въ озерѣ. Начертанія изсѣчены на обоихъ этихъ мысахъ, отъ 1 до 2-хъ линій въ глубину; между ними, въ томъ же мѣстѣ, есть и еще начертанія, но худо сохранившіяся. Первый мысъ носить еще имя *Крестоваго*, по двумъ изображеніямъ на немъ креста, а другой удержанъ древнее название *Пели-мысъ*.

Со всѣхъ этихъ начертаній первоначально сообщенъ снимокъ г. Шведомъ, въ «Извѣстіяхъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества» (1850 г. кн. I, стр. 66 — 71), съ самымъ краткимъ описаніемъ¹⁾). Изъ названія послѣдняго мыса, производимаго имъ отъ финскаго слова *Speili* — зеркало, и оправдываемаго одною изъ фигуръ, на скалѣ изображенныхъ, равно какъ изъ содержанія нѣкоторыхъ изображеній, выводить онъ заключеніе, что всѣ эти начертанія произведены Финнами. Въ доказательство того же, г. Шведъ присовокупляетъ,

1) Удивительно, что прежде гг. Гревингка и Шведа никто не обратилъ вниманіе на этотъ достопримѣчательный памятникъ древности; даже академикъ Н. Я. Озерецковский въ свое мѣсто путешествіи по озерамъ Ладожскому и Онежскому (Спб. 1792, въ 8 д., съ 13 табл. рисунковъ), совершенномъ съ чисто-ученою цѣлью, не сказалъ о немъ ни слова.

что «по мифологии Финновъ, верховное божество ихъ, *Вейнемойненъ*, управляетъ водами и сушей, раздѣля власть съ своею супругою; что въ изсѣченныхъ на обоихъ мысахъ изображеніяхъ легко замѣтить связь съ этимъ мифомъ, въ представлениіи олицетворенія свойствъ или власти двухъ верховныхъ существъ, и что свойства эти выражены бѣдными чертами сѣверной природы и изображеніемъ какихъ-то непонятныхъ орудій, въ числѣ которыхъ нетрудно отличить циркули и пилу». По дoшедшимъ до г. Шведа слухамъ, находятся еще въ Олонецкомъ уѣздѣ, недалеко отъ селенія *Видлицѣ*, подобнаго рода изсѣченныя на камнѣ изображенія, которыя, однакожь, донынѣ остаются не снятymi.

Послѣ сообщеннаго г. Шведомъ снимка, появился еще и другой, съ тѣхъ же опежскихъ начертаній, въ *Bulletins historiques, philologiques et politiques de l'Academie Imperiale des Sciences de St. Petersburg* (1854, Томе XII, р. 98—103), представленный въ Академію Наукъ отъ г. Гревингка (Grewingk), при довольно подробномъ описаніи. По словамъ г. Гревингка, начертанія найдены и срисованы имъ въ 1848 г., во время геогностического путешествія по Олонецкой и Архангельской губерніямъ, и о нихъ онъ упоминалъ уже въ извѣстіи о своемъ путешествіи, помѣщенному въ *Bulletin phisico-mathématique de l'Académie de St.-Petersbourg* (Томе VIII, р. 45). Въ то же время г. Гревингкъ передалъ въ Спб. Вольное Экономическое Общество, при подробномъ описаніи путешествія, описание и изображеніе самыхъ начертаній. Но какъ все это до сихъ-поръ не было напечатано, а между тѣмъ г. Шведъ предупредилъ его изданіемъ рисунка начертаній, то г. Гревингкъ поспѣшилъ обнародовать изъ своего путешествія относящіяся къ тому мѣста, съ рисункомъ.

Изъ сравненія обоихъ снимковъ оказывается, что г. Шведъ многое иначе выразилъ, чѣмъ г. Гревингкъ, а другое и совсѣмъ опустилъ. Поэтому, приложенный здѣсь, на таб. II, рисунокъ

я заимствую отъ послѣдняго, равно вкратцѣ пользуюсь и сообщеннымъ имъ описаніемъ, съ указаніемъ всѣхъ значительнѣйшихъ разностей въ обоихъ рисункахъ. Первый снимокъ у г. Шведа представляетъ начертанія Бѣсова или Крестоваго мыса, а у г. Гревингка Пели-мыса. То же распределеніе принято и мною.

Въ первомъ отдѣлѣ (таблица II, рисунка А, отдѣлъ А) начертаній на Пели-мысъ, г. Гревингкъ видитъ изображеніе охоты, гдѣ внизу стоять два охотника, обращенные другъ къ другу спиною ¹⁾). Одинъ изъ нихъ ростомъ ниже другаго, и менѣе его пріобрѣлъ добычи — это, по мнѣнію г. Гревингка, долженъ быть отецъ съ сыномъ. Охота производима была или между озерами, или между озеромъ (1) и болотомъ (2), соединенными рѣкою (3) ²⁾). Первый охотникъ, судя по животнымъ, передъ нимъ помѣщеннымъ, добылъ трехъ лосей, или сѣверныхъ оленей, которыхъ, по неясному изображенію, различить трудно ³⁾). Число убитой дичи онъ отмѣчалъ съ правой стороны на длинной полоскѣ черточками, которая, къ сожалѣнію, не могли хорошо сохраниться ⁴⁾) Знакъ подлѣ верхняго, вправо лежащаго, животнаго, можетъ быть, остался отъ стертыхъ роговъ оленя, или указываетъ на успешную охоту. Кроме того, зубчатая линія сверху влѣво, возлѣ лебедя, свидѣтельствуетъ, что охотникъ добылъ и значительное число лебедей ⁵⁾). Другой охотникъ (меньшій) на болотѣ, посѣщаемомъ лишь журавлями, выставилъ одну только добытую имъ птицу. Два

1) Перваго охотника нѣть въ рисункѣ г. Шведа, а другой изображенъ иѣсколько иначе.

2) Вместо всего этого у г. Шведа изображено иѣчто круглое, похожее на зеркало.

3) Этихъ животныхъ нѣть у г. Шведа.

4) Это-то изображеніе г. Шведа принимаетъ за пилу; оно, на его рисункѣ, и въ самомъ дѣлѣ съ нею сходно. между тѣмъ какъ у г. Гревингка представлено согласно съ его описаніемъ.

5) У г. Шведа нѣть никакой зубчатой линіи, равно какъ и представленныхъ г. Гревингкомъ двухъ птицъ и животнаго, похожаго на рыбу.

символическихъ изображенія съ боку влѣво, могутъ быть родовые знаки (тамги) обоихъ охотниковъ¹).

Во второмъ отдѣль (B), по догадкѣ г. Гревингка, стоять опять тѣ же два охотника, одинъ передъ другимъ; тотъ, который вправо, имѣеть голову подъ покровомъ для какой-нибудь охотничьей продѣлки, или для того, чтобы представить изъ себя лебедя; у ногъ первого два лебедя, или символическихъ знака²). Главная охота шла между двумя озерами (Ладожскимъ и Онежскимъ) и на ихъ притокахъ; по обѣ стороны озеръ размѣщены и добытыя животныя³). Сѣверный олень, самецъ и самка (какъ это знать?), представлены позади охотника: убито ихъ было четыре, какъ означено зарубками на чертѣ. Выдра (das Otter), отдѣльно стоящая, доказываетъ, что она жила особо и добыта независимо отъ прочихъ животныхъ⁴). Нельзя также не узнать и двухъ паръ лебедей; вправо же маленькия фигурки должны быть бѣлки; число ихъ также означено черточками. Не легко только опредѣлить двухъ звѣрей, влѣво, находящихся въ борьбѣ. Можетъ быть, это собака и лисица?

Въ третьемъ отдѣль (C) представленъ охотникъ же въ шалашѣ (Hütte), или подъ какимъ-нибудь обманчивымъ покровомъ, чтобы удобнѣе провести лисицу⁵). Влѣво отъ него, можетъ статься, собака и, потомъ, изображеніе четверти луны,

1) Въ одномъ изъ этихъ знаковъ г. Гревингкѣ видить голову съ ногами, а г. Шведѣ — циркуль, чemu не противорѣчатъ и ихъ рисунки.

2) Ничего подобнаго нѣтъ у г. Шведа.

3) У г. Шведа повторяется и здѣсь нѣчто въ родѣ зеркала, но въ большемъ видѣ.

4) Это животное, на обоихъ рисункахъ почти одинакое, болѣе сходно съ крокодиломъ, чѣмъ съ выдрою, судя по очерку его и самой величинѣ, составляющей по размѣру г. Гревингка болѣе 4, а въ слѣдующемъ повтореніи до 8 футовъ, между тѣмъ какъ выдра не длиннѣе 3 футовъ.

5) Вместо охотника, скрывающагося въ шалашѣ, не должно ли признать какое-нибудь языческое божество, изображенное въ видѣ картины, держимой сверху какою-то фантастическою фигурою?

или³ родового его знака. Въ этомъ отдѣлѣ, съ боку, та же фигура, какъ и въ первомъ, состоящая изъ головы и двухъ ногъ¹), изъ чего можно заключить, что одинъ и тотъ же охотникъ въ третій разъ посѣщалъ Пели-мысъ.

Группы очерковъ на Бѣсовомъ-мысѣ начинаются съ 21 фута отъ поверхности озера и простираются, по нижней оконечности скалы, на 46 фуговъ, имѣя 22 фута въ ширину и 10 въ высоту. Они отличаются отъ группъ на Пели-мысѣ тѣмъ, что не представляютъ никакихъ охотничихъ дѣйствій и болѣе состоять изъ водяныхъ животныхъ, въ замѣнѣ оленя и лося. Въ этихъ группахъ есть изображеніе человѣка огромнаго роста (вѣроятно, какого-нибудь языческаго божества), у которого чрезъ лѣвую руку выбитъ большой крестъ; слѣва отъ него другой меньшій крестъ проходитъ чрезъ шею лебедя²).

По мнѣнію г. Гревингка, очерки людей, въ разныхъ положеніяхъ, на Пели-мысѣ, могутъ представлять боговъ охоты и рыболовства. Распростертыя ихъ руки означаютъ господство надъ всѣми земными и водяными обитателями, равно какъ и готовность на принятіе приносимыхъ имъ жертвъ. Послѣднія предлагались имъ соотвѣтственно положенію жертвователей и съ различныхъ сторонъ, къ нимъ присоединяли они еще и свои родовые знаки (*chiffres*), какъ здѣсь на Бѣсовомъ-мысѣ: лыжа (1), дерево (2), перо (3) и еще какой-то непонятный знакъ (4).

Въ этой группѣ двѣ выдры (одна не вполнѣ), высоко поднятая и, въ отношеніи къ человѣческой фигурѣ, симметрически расположенные, ограничиваютъ главныя очерки. Въ та-

1) Всѣ показанные здѣсь предметы тѣ же самые, какъ у г. Шведа, кроме того, что собаку представляетъ не первое, а второе животное, и съ боку опять изображенъ циркуль.

2) У этого великана, на обоихъ рисункахъ, шея не показана, или, можетъ быть, изглажена временемъ; мѣсто же головы на рисункѣ у г. Гревингка занимаетъ четыреугольникъ, а у г. Шведа профиль, повидимому, женскаго лица, обращенного вправо, съ рогомъ, или косою, сзади; малый крестъ на рисункѣ г. Шведа проходитъ не черезъ лебедя, а мимо какой-то неопределенной фигуры.

комъ же состояніи находятся и два большиe лебедя, изображенные въ различныхъ положеніяхъ. Въ лебедяхъ и уткахъ вообще нѣть недостатка; при чёмъ представлены еще одинъ большой лось и два маленькихъ оленя или лося. Въ группахъ, начертанныхъ на Онежскомъ озерь¹), встречается одно только изображеніе рыбы, и именно щуки. Это доказываетъ, что странствующіе охотники рыбною ловлей мало занимались.

Сравненіе онежскихъ начертаній со всѣми извѣстными г. Гревингку другими подобными приводить его къ заключенію, что они въ стилѣ и составѣ своемъ наиболѣе сходны съ открытыми на берегу р. Томи и обнародованными Страленбергомъ и мною. На представленныхъ въ обоихъ случаяхъ рисункахъ, по мнѣнію его, одинъ и тѣ же группы очерковъ; но въ Страленберговомъ болѣе оригинальности, и если изображенія на моемъ рисункѣ, отчасти, не фантастическія, то въ продолженіе ста лѣтъ, послѣ снятія съ нихъ первого рисунка, многія фигуры изгладились, другія повредились и сдѣланы вновь. Такимъ образомъ, не находить онъ на моемъ рисункѣ символическихъ знаковъ въ лѣвомъ нижнемъ углу, и притомъ замѣчаетъ, что видимые вмѣсто нихъ люди и животныя, также олени съ рогами—новѣйшей работы; вмѣсто шапки, или, по его выраженію, короны на головѣ какого-то животнаго, у Страленберга изображены голова и сердце, какъ главнѣйшія части человѣческаго тѣла; а вмѣсто всадника на длиннохвостой лошади, только что-то похожее на это животное, съ сомнительнымъ всадникомъ.

По сличеніи Страленбергова рисунка томскихъ начертаній съ моимъ, снятымъ, нарочно для меня, въ 1831 году, съ уменьшеніемъ фигуръ только около пяти разъ противъ настоящей

1) У г. Шведа изъ числа предметовъ, представленныхъ Гревингкомъ, недостаетъ 4 знака вверху и изображены: надъ большимъ крестомъ, вмѣсто кружка, четверть луны, съ шарикомъ или звѣздой надъ нею; справа, вмѣсто щуки, кажется, стерлядь и сльва, вмѣсто задней части выдры, нѣчто въ родѣ рыбы.

ихъ величины, и здѣсь, на таб. III, представленыиъ болѣе въ уменьшенному видѣ, оказывается:

1) Если на Страленберговомъ рисункѣ, отчасти, тѣ же животныя, какія на моемъ, то вообще они отличаются въ подробностяхъ очерковъ и своемъ направлениіи.

2) Нѣкоторыхъ изъ очерковъ, показанныхъ Страленбергомъ, не достаетъ на моемъ рисункѣ и, обратно, многихъ изъ представленныхъ мною нѣть у него, вѣроятно, по невниманію къ нимъ рисовальщика.

3) Символические знаки, помѣщенные Страленбергомъ въ лѣвомъ углу его рисунка, едва ли когда-нибудь и существовали, потому что, судя по формѣ камня подъ изображенными тутъ очерками, кажется, не оставалось для нихъ и мѣста, а стесывать ихъ для замѣненія новыми очерками было бы совершеннаю нелѣпостью. Къ подтвержденію такого мнѣнія моего, кроме другихъ выдумокъ Страленберга, довольно указать на пышминскую его надпись ¹⁾). Слѣдовательно и толко-

1) Эта надпись нѣкогда обратила на себя особенное вниманіе тождествомъ своимъ съ одною надписью, открытою въ Канадѣ и, первоначально, сообщеною въ *Philosophical transactions* (1714, Т. XVIII, f. 1), потомъ въ разныхъ Археологіяхъ. По важности этой надписи, въ отношеніи къ предполагаемому средству между пародами сибирскими и Новаго-Свѣта, я посвятилъ ей въ «Сибирскомъ Вѣстнику» (1821, Ч. XII, стр. 65—76) особую статью, съ изображеніемъ и самой надписи, заимствованной отъ Страленберга, приглашая живущихъ въ Сибири любознательныхъ людей къ новому ея изслѣдованію. Покоиный Н. А. Словцовъ, по тогдашнему пребыванію его въ Тобольскѣ, принялъ этотъ вызовъ мой со всею просвѣщенію готовностію и поручилъ одному изъ тюменскихъ своихъ знакомцевъ, г. Попову, осмотрѣть, съ эдимъ наѣреніемъ, берега р. Пышмы, недалеко отъ города Тюмени впадающей въ Туру. Но Поповъ не открылъ ни надписи, ни слуховъ объ ея существованіи, ни даже утесовъ, на которыхъ бы она могла существовать, потому-что берега Пышмы вообще отлоги и пизки. Словцовъ думаетъ, что «Страленбергъ, любившій грезить о словопроизводствѣ, нечаянно не подмѣнилъ ли р. Вишеру на Пышму?» (Истор. Обозр. Сибири кн I, стр. 544). На Вишерѣ, дѣйствительно, бывала надпись, также изображенная красного цвѣта краскою, сслибы Страленбергъ опредѣлительно не говорилъ: «На рѣкѣ Пышмѣ (Pyschma Strom), впадающей между городами Тюменью и Тобольскомъ, въ Турѣ, находятся красные письмена, отъ которыхъ, при завоеваніи Русскими Сибири, и эта рѣчка получила название. потому-что Пышма значитъ, на русскомъ языкѣ, письмо, или

ваніе этихъ знаковъ, со стороны г. Гревингка, должно счесть излишнимъ.

4) Невѣрность рисунка Страненбергова доказывается, между прочимъ, и тѣмъ, что Гмелинъ, спустя много лѣтъ послѣ него (1734), видѣлъ еще, въ числѣ нижнихъ томскихъ начертаній— изображеніе рыбы, а въ верхнихъ — связанныхъ между собою звѣрей, ведомыхъ человѣкомъ: все это упущено Страненбергомъ.

5) Многіе изъ томскихъ очерковъ истребились, или сохранились невполнѣ, по причинѣ рыхлости самаго камня, на которомъ они изсѣчены, хотя у Страненберга видимъ одни лишь полныя начертанія. Между тѣмъ, какъ еще Гмелинъ замѣтилъ, верхнія начертанія сохранились лучше нижнихъ, отъ большей неприступности къ нимъ, и, въ числѣ послѣднихъ, многія фигуры неблагонамѣренными людьми изцарапаны и начертаны другія, которыя, впрочемъ, при внимательномъ разсмотрѣніи, легко отличить; поэтому онъ и велѣлъ срисовать только несомнѣнно-древнія начертанія, прочія же, для избѣженія всякаго замѣшательства, исключилъ¹⁾.

6) При такой заботливости г. Гревингка о несходствѣ сообщеннаго мною рисунка съ Страненберговымъ, частію прошедшемъ отъ времени и частію только лишь мнимомъ, почему не сказалъ онъ ни слова о дѣйствительной и большой разности между его рисункомъ и г. Шведа онежскихъ начертаній, которая, въ настоящемъ случаѣ, гораздо болѣе имѣть важности?

письмена» (*Ibidem* p. 306). Не заимствовалъ ли онъ эту свою надпись изъ какой-нибудь книги для убѣжденія только въ своей филологической ипогезѣ, простильной ему, какъ Шведу, мало знакомому съ свойствомъ русскаго языка.

1) Этотъ рисунокъ, пишетъ Гмелинъ, передалъ онъ Миллеру, по отношению къ возложенной на него обязанности исторіографа и для сообщенія публикѣ (*Reise durch Sibirien von dem Jahre 1733 bis 1743. Göttingen 1751 und 1752, in 8*). Къ сожалѣнію, однакожъ, Миллеръ ничего не сдѣлалъ и рисунокъ до насъ не дешелъ; между тѣмъ, будучи почти современнымъ съ Страненберговымъ, могъ бы онъ послужить къ повѣркѣ его рисунка и, отчасти, къ большему подкрѣплению нашихъ выводовъ.

Прибавимъ еще нѣкоторыя подробности о Томскихъ начертаніяхъ. Утесистый правый берегъ р. Томи, на которомъ онъ изображены, лежитъ между городами Томскомъ и Кузнецкомъ и состоитъ изъ зеленоватаго глинистаго сланца (филлада), смѣшанного съ кварцемъ. По этимъ начертаніямъ, онъ и слынетъ *Писаннымъ-камнемъ*; рѣчка, впадающая во 160 саженяхъ отъ него въ Томь, названа *Писаною* и то же имя носить близлежащая деревня. Утесь простирается въ длину на 150 сажень, начиная отъ устья рѣчки, внизъ по течепію Томи. Начертанія находятся только при окончаніи утеса, вверхъ по Томи, на отдельныхъ отвѣсныхъ камняхъ, въ пяти близкихъ одно отъ другаго мѣстахъ. Самыя нижнія на 3 и до $6\frac{1}{2}$ сажень отъ поверхности воды, а верхнія отъ $3\frac{1}{2}$ до 5 сажень отъ возвышающейся надъ ними скалы. До первыхъ добраться очень легко и, съ выдавшагося надъ ними на полсажени уступа, удобно было ихъ первоначально высѣкать, а теперь разматривать; но для отработки послѣднихъ, по отвѣсной высотѣ скалы, необходимо было или снизу взбираться на подмосткахъ, или съ вершины, съ немалою опасностію, спускаться на веревкѣ. Начертанія состоять (таб. IV) изъ грубыхъ очерковъ людей и мѣстныхъ животныхъ, какъ-то: лошадей, оленей, дикихъ козъ, медведя, собакъ, птицъ, похожихъ на журавлей, и символическихъ знаковъ, или другихъ неопредѣленныхъ предметовъ. Нѣкоторыя изъ этихъ начертаній, отъ времени и разрушенія самыхъ камней, много потерпѣли, даже почти совсѣмъ изгладились, и отъ животныхъ остались однѣ ноги, либо переднія части безъ ногъ; но сохранившіяся въ цѣлости очень явственны, и тѣмъ болѣе, что камень, на которомъ они изображены, съ поверхности желтоватый, переходитъ изнутри въ зеленый цветъ, удерживаемый и начертаніями. Но опредѣлить значеніе тѣхъ и другихъ вовсе уже не возможно.

Что касается до Чердынскихъ начертаній, высоженныхъ, какъ пишетъ Страненбергъ, раскаленнымъ желѣзомъ и обве-

деннымъ прочно краскою (*Ibidem* Tab. VII, p. 351), то, на представленной и повторенной г. Гревингкомъ таблицѣ, послѣдній, кромъ разныхъ загадочныхъ знаковъ, находитъ въ ней съвернаго оленя, лисицу и медвѣдя, которые напоминаютъ ему объ очеркахъ на Онежскомъ-озерѣ и на Томи. Но должно замѣтить, что отдѣлка изображенныхъ здѣсь не трехъ, а пяти животныхъ, хотя также грубая, однакожъ, нѣсколько отчетливѣе, чѣмъ въ указанныхъ г. Гревингкомъ группахъ; что между знаками видны два латинскіе четвероконечные креста и одинъ адреевскій, также невполнѣ изображенные знаки плачать Юпитера и Сатурна. Удивительно, что никто другой, кромъ Страленберга, не упоминаетъ объ этомъ древнемъ памятникѣ, и даже въ »Хозяйственномъ Описаніи Пермской губерніи« (Попова, Спб. 1811—1813), самомъ отчетливомъ, ничего о немъ, какъ и о Пышминской надписи, не сказано, тогда какъ о другихъ, менѣе любопытныхъ начертаніяхъ, сообщены свѣдѣнія, даже и самые рисунки.

Представляю (на Таб. IV.) еще четыре, доселѣ никѣмъ не изданные, снимка съ сибирскихъ вещественныхъ начертаній, за доставленіе которыхъ я обязанъ благосклонности его пре-восходительства В. К. Падалки. Начертанія эти, по стилю своему, ближе къ томскимъ, нежели къ чердынскимъ и онежскимъ, но отличаются и отъ нихъ разнообразіемъ предметовъ, менѣе грубыми очерками группъ и лучшимъ сохраненіемъ отъ поврежденія, сохраненіемъ, за которое, безъ сомнѣнія, обязаны они большей твердости камней, на которыхъ изсѣчены. Начертанія эти срисованы въ 1850 году, чиновникомъ, служащимъ при главномъ управлѣніи Восточной Сибири, г. Титовымъ (какъ о томъ было уже сказано) и наименованы имъ, по мѣстностямъ, гдѣ находятся. Жаль только, что г. Титовъ не сообщилъ подробнаго описанія самыхъ тѣхъ мѣсть и не приложилъ масштабовъ къ начертаніямъ, хотя послѣднее отчасти можетъ быть вознаграждено пріобщеннымъ мною къ томскимъ начер-

таніямъ, потому-что изображенные въ нихъ предметы, сколько я имѣлъ случай ихъ видѣть на самыхъ мѣстахъ, почти всегда одинаковой, или приблизительно - одинаковой, величины. Въ представляемыхъ теперь группахъ видимъ боговъ, какихъ-то чудовищъ, людей въ различныхъ дѣйствіяхъ и множество домашнихъ и дикихъ животныхъ: лошадей, верблюдовъ, коровъ, козъ, свиней, собакъ, оленей, лосей, разныхъ звѣрей, птицъ и невѣдомыхъ, или неточно изображенныхъ, животныхъ.

Всѣ эти предметы не отличаются особою изобрѣтательностью. Они почти вездѣ одни и тѣ же. Отличаются, однакожь, постановкою, дѣйствіями и положеніемъ, не только въ каждомъ мѣстѣ, но и на всякомъ камнѣ. Они размѣщаются почти всегда въ двухъ отдельахъ — верхнемъ и нижнемъ. Если всѣ эти группы заключаютъ въ себѣ какой-либо аллегорическій, таинственный смыслъ, чему донынѣ у дикихъ жителей Америки существуютъ примѣры, о которыхъ упоминаютъ многіе путешественники (между прочимъ, де-ла Гонтанъ — Baron de la Hontan — передаетъ самое истолкованіе такого рода изображеній, найденныхъ имъ въ Канадѣ у Ирокезцевъ, см. Дополненій № 1), въ такомъ случаѣ, по ограниченности нашихъ свѣдѣній о древнихъ обитателяхъ Сибири, объясненіе этихъ аллегорій было бы совершенно невозможно. Если же въ группахъ изображаются обыкновенныя житейскія происшествія, то можно позволить себѣ нѣкоторыя догадки на счетъ ихъ содержанія, руководствуясь настоящимъ бытомъ тамошнихъ кочевыхъ племенъ, съ полною, однакожь, увѣренностью напередъ въ точности самыхъ снимковъ, которые иначе могли бы вести только къ ошибочнымъ заключеніямъ о ихъ содержаніи. Вотъ нашъ въ томъ опытъ.

А) *Майдашинскія* начертанія, которыя находятся, въ 7 verstахъ отъ города Минусинска (Енисейской губ.), на утесистомъ правомъ берегу рѣки Енисея, состоящемъ изъ краснаго песчаника. Онѣ изсѣчены на одинъ аршинъ отъ поверхности воды.

Группы верхняго отдѣла, № 1, представляютъ, какъ будто перекочевку, можетъ быть, почему-либо въ свое время замѣчательную, гдѣ разныя домашнія животныя, какъ-то: верблюды, лошади, козлы и олени, всѣ идутъ въ одну сторону, въ которую направлена и тельга, везомая одною лошадью; выше—человѣкъ, поразившій мечемъ какое-то, вѣроятно, хищное животное, а передъ нимъ лошадь и два верблюда. Слѣдующіе отдѣлы №№ 2 и 3, кажется, посвящены изображенію охоты, или пріобрѣтеніямъ отъ нея, гдѣ видны и четыре человѣка, одинъ лучше изображенный, съ мечемъ или дубиною за плечами, и между разными дикими животными, можно узнать еще волка, лисицу и соболя, каменного барана, козъ и какую-то птицу, похожую на гуся. Весь нижній отдѣлъ, по видимому, занятъ приношеніями въ жертву разныхъ животныхъ и поклоненіемъ какимъ-то божествамъ, отличающимся колоссальностью своею и сходствомъ съ деревянными куклами, отъ людей, изображенныхъ въ маломъ видѣ и въ разныхъ энергическихъ положеніяхъ. Такъ въ одномъ мѣстѣ, № 4, человѣкъ стоитъ на одной ногѣ, въ другомъ — сидитъ съ распростертыми руками: это, вѣроятно, женщина; около нея двое пляшутъ, у одного голова подъ уборомъ, въ родѣ круглой шапки: фигура эта также, кажется, женская; далѣе, въ № 5, представленъ человѣкъ, стоящій на колѣняхъ, съ поднятою надъ головой правою рукою, и передъ нимъ три человѣка, изъ которыхъ одинъ, можетъ быть, начальникъ, или жрецъ (шаманъ), отличается калпакомъ на головѣ, въ родѣ фригійскаго, видимаго иногда и на древнихъ монетахъ. Вправо, № 6, изображены животныя и, въ числѣ ихъ, четыре съ зародышами во внутренности, какъ бы въ ознаменованіе испрошенаго уже у боговъ плодородія; въ № 7 видимъ божества и людей между символическими знаками; возлѣ одного изъ первыхъ изображенъ пѣтухъ, или другаго рода птица, судя по низкимъ ногамъ.

Б) Тепсинскія начертанія, на лѣвой сторонѣ Енисея, при

самомъ устьѣ рѣки Тубы, на утесистой горѣ, называемой Тепсей. Въ началѣ верхняго отдѣла, № 1, видѣнъ человѣкъ, обращенный внизъ головою, въ знакъ, можетъ быть, того, что онъ умеръ (какъ это замѣчено выше о статуяхъ на курганахъ, которые имѣютъ такое же положеніе), не смотря на волхвованіе шамана предъ идоломъ о выздоровленіи его; шамана же можно узнать по стоящему возлѣ него шаманскому бубну; въ такомъ случаѣ и удаляющихся справа животныхъ, № 2, можно счесть за приводимыхъ къ шаману, для принесенія въ жертву злымъ духамъ о выздоровленіи болѣщаго, по обычаю, донынѣ существующему у кочевыхъ народовъ. На встрѣчу имъ человѣкъ, опять въ фригійскомъ калпакѣ, ведетъ, какъ кажется, осла. Вокругъ умершаго могутъ быть его родовые знаки (тамги), какъ и въ противоположномъ углу направо. Въ нижнемъ отдѣлѣ, № 3, видимъ лошадей, ведомыхъ двумя человѣками, на встрѣчу имъ человѣка, идущаго съ какимъ-то длиннохвостымъ животнымъ, и другаго, стоящаго вправо. Далѣе, въ № 4, человѣкъ, имѣющій на головѣ круглую шапку, подобную нынѣшнимъ монгольскимъ; онъ одѣтъ въ короткое платье и держитъ въ одной руцѣ лукъ. Человѣкъ этотъ приближается верхомъ на безхвостой лошади, съ украшеніемъ на головѣ въ видѣ вѣтвистаго рога, къ какой-то неопределенной фигурѣ, похожей на животно-растеніе (морское-сердце) и гонитъ предъ собою двухъ быковъ, изъ которыхъ одинъ съ поперечными полосами, какихъ мы уже видѣли (на таб. III); третій быкъ, стоящій впереди, принесенъ уже въ жертву божеству, судя по струящейся вдоль него крови. № 5 представляетъ трехъ человѣкъ, пляшущихъ предъ чудовищемъ, въ родѣ огромнаго жука (египетскаго скарабея); изъ нихъ очеркъ того, который безъ одежды, но въ круглой шапкѣ, сходенъ съ женскимъ; а изъ двухъ одинъ, также теперь безъ одежды, можетъ статься, щавшій сюда на безхвостой лошади, стоящей уже безъ сѣдока между двумя символическими знаками справа, и лукомъ съ длиною

стрѣлой, слѣва. Всѣ эти начертанія могутъ изображать обряды тризны, отправляемой по покойникѣ. № 6 занятъ одними символическими знаками, изъ которыхъ замѣчательны вверху два, образующіе андреевскіе кресты, и въ самомъ низу знакъ планеты Венеры, также буквы ВХ, возлѣ стоящаго, какъ будто идола, къ которому человѣкъ приближается съ какимъ-то животнымъ, а другое животное, испещренное четырехугольниками, идетъ само къ нему на двухъ заднихъ ногахъ.

В. Аглатинскія начертанія, на утесистомъ лѣвомъ берегу Енисея, нѣсколько ниже устья р. Тубы. Въ верхнемъ отдѣлѣ только двѣ группы. Въ группѣ № 1 изображенъ большой осьмиконечный крестъ и вокругъ него: съ правой стороны меньшій четвероконечный крестъ, надъ какимъ-то животнымъ, ниже два кружка, или вѣнка; съ лѣвой стороны стоитъ человѣкъ съ распростертыми руками и ногами, другой большаго роста, къ нему обращенный и имѣющій у лѣваго бока мечъ, курить трубку, передъ нимъ же, слѣва, лукъ съ стрѣлою. Для изображенія большаго креста, конечно, въ новѣйшее уже время, не послужилъ ли поводомъ меньшій крестъ, начертанный еще древними и составлявшій у нихъ какой-либо особый символический знакъ? Или не дало ли къ тому повода изображеніе въ слѣдующей группѣ, № 2 (какъ и на Онежскомъ Озерѣ), какого-то божества съ трезубчатою короною на головѣ и держащаго въ каждой руцѣ по человѣку, упираемуся ногами въ его бокъ. Этотъ великанъ покоится на головахъ двухъ стоящихъ подъ нимъ оленей. Лежащая влѣво отъ него огромная лошадь, съ изображенными около нея небольшою лошадью и свиньею, украшенная по всему тѣлу четырехугольниками, а на задней части изображеніемъ колеса, вѣроятно, не что иное, какъ идолъ-покровитель конскихъ табуновъ; чему донынѣ видимъ примѣръ у кочевыхъ племенъ тѣхъ мѣстъ, въ изваяніи барана-

покровителя стадъ¹⁾). Курительная трубка у одной изъ фигуръ, едва ли не новѣйшаго издѣлія. Если бы древніе обитатели Сибири занимались, какъ нынѣшніе, куреніемъ табаку, то въ ихъ могилахъ, между другими вещами, отыскались бы и трубки, но этого никогда не случалось, или, по-крайней-мѣрѣ, не доходило до моего свѣдѣнія. Въ нижнемъ отдѣлѣ двѣ первыя группы представляютъ, повидимому, жертвоприношеніе, а послѣднія двѣ — простыя сцены кочевой жизни древнихъ обитателей. Такъ въ группѣ № 3 приведены къ божеству, или, вѣрѣ, къ шаману, стоящему съ поднятыми вверхъ руками и раздвинутыми врознь ногами (надъ нимъ видны еще три шарики), съ правой стороны — двѣ лошади и подлѣ однай изъ нихъ лежащій жеребенокъ, съ лѣвой олень, безрогая лань и свинья. Подъ первымъ также довольно отчетливо изображена корзина, предназначеннная, можетъ быть, для другаго рода жертвъ. № 4 представляетъ пагаго человѣка, обращеннаго лицемъ къ тремъ животнымъ; съ лѣвой стороны отъ него три человѣка: одинъ удаляется верхомъ на лошади, другой (шаманъ?) стоитъ съ распростертыми руками и ногами, третій готовъ пустить стрѣлу изъ лука въ лежащаго справа оленя, которому приданъ такой видъ, что это краткое животное какъ

1) Это гранитный камень въ 1 арш. 14 верш. длины и спереди въ 1 арш., а снизу въ 12 верш. вышины, въ которомъ, при всей грубости обтески его и поврежденіи въ нѣкоторыхъ частяхъ, нельзя не узнать, по размѣрамъ тѣла и круто-загнутымъ рогамъ, обыкновенного лежачаго барана. Должно полагать, что и у Страленберга на таб. XXI. (*ibidem* p. 419) изображено то же самое изваяніе барана; но съ длиннымъ рыломъ, съ глазами и покрытое волнистыми пятнами, означающими, вѣроятно, шерсть, чего не достаетъ у нашего барана. Всё это если не прибавлено было Страленбергомъ, по его обыкновенію, то въ продолженіи свыше ста лѣтъ не измѣнено ли отчасти временемъ. При чемъ, по словамъ Страленберга, изваяніе срисованного имъ барана пользовалось уваженіемъ только у древнихъ язычниковъ, между тѣмъ видѣнное и срисованное мною въ верховья Енисея не лишено того доказательства: когда, въ бытность мою еще въ Сибири, хотѣли перевезти его въ Томскъ, то кочующіе въ тамошней окрестности Сагайцы и Качинцы никакъ не могли съ нимъ разстаться изъ опасенія гибели своихъ стадъ, и должно было имъ оставить это сокроище. Оба эти изваянія барана изображены внику IV таблицы.

будто умоляетъ о своей пощадѣ. Въ группѣ № 5 подъ какого-то домашняго пената, или шамана, представленъ человѣкъ, имѣющій на головѣ шляпу, въ короткомъ монгольскомъ, какъ и прочіе здѣсь люди, платьѣ: вѣроятно, хозяинъ двухъ полосатыхъ ословъ, лани и кобылицы (замѣтной по существу ея жеребенку), пригнанныхъ видимымъ тутъ же вправо пастухомъ, сидящимъ верхомъ на лошади. Въ № 6 шесть животныхъ того же хозяина, изъ которыхъ довольно-отчегливо изображены три коровы и изъ нихъ одна стельная, судя по очерку, внутри ея, теленка ¹⁾.

Г. *Петрошиловскія* начертанія, на утесь такъ-называемой Мосьевой горы, въ 4 верстахъ отъ д. Петрошиловой вверхъ по р. Тубѣ, противъ горы Тесея, по розсыпи, или накату, въ 10 саженяхъ отъ воды. Въ группѣ № 1, видно нѣчто въ родѣ висѣлицы, и подъ нею огромнаго роста человѣкъ, какъ-будто бы сорвавшійся съ нея, судя по необыкновенному его положенію и остающимся концамъ веревки на деревянной перекладинѣ и на худо-начертанной правой его рукѣ, также по ласкѣ, оказываемой ему олешемъ, можетъ быть, ему принадле-

1) Должно полагать, что и Палласъ, въ одномъ мѣстѣ своего путешествія, упоминаетъ объ этихъ же начертаніяхъ (*Voyages etc.* T. VI, p. 315). Утесь, на которомъ онъ находится надъ Енисеемъ, считаетъ онъ частью горы *Алактау*, производя это название изъ монгольскаго языка (какъ и многія другія въ тамошнемъ краѣ, показывающія явные слѣды долговременнаго пребыванія въ немъ народа этого племени, между-тѣмъ какъ оно, въ этомъ случаѣ, чисто-татарское и состоитъ изъ словъ: *ала* — пестрый и *таш* или *тай* — гора, переиначенныхъ Русскими въ *Агліты*. Въ начертанныхъ же тутъ группахъ видить онъ, кромѣ людей, лошадей и верблюдовъ, нѣчто похожее на слона и башню, которыхъ, однакожь, нѣть въ нашемъ рисункѣ и едвали даже древніе кочевые народы, не имѣя о нихъ яснаго понятія, могли ихъ изобразить, когда и нынѣшніе кочевые обитатели тѣхъ мѣстъ врядъ ли знаніемъ ихъ могутъ похвалиться. Если эти предметы не принятъ Палласомъ ошибочно, вмѣсто какихъ-либо другихъ, или не уничтожены временемъ, то любознательный рисовальщикъ, сообщившій намъ снимокъ этихъ и прочихъ начертаній, не упскавший изъ вида самыхъ мелкихъ предметовъ, пропускомъ огромнѣйшихъ подвергся бы парѣканію нашего меткаго баснописца: «Слона-то онъ и не примѣтилъ».

жащимъ и по удивленію, выражаемому приближающимся человѣкомъ. Въ № 2 изображена такъ-называемая *облава*¹⁾, употребительная донынѣ въ Азіи и особенно у народовъ монгольскаго и манчжурскаго племени. Здѣсь представлены занимающіеся ею не на коняхъ, какъ обыкновенно, а пѣшіе, и выставлены только три главныя животныя изъ всей добычи — олень, лось и какое-то горбатое (видимое и въ другихъ группахъ), а прочія показаны ниже въ № 3; избѣжавшіе же отъ облавы каменныі баранъ и какая-то чудовищная птица выше, въ № 4; надъ всѣмъ этимъ изображена также фигура — не божка ли покровителя охоты? Въ группѣ № 5 представлена опять, знакомая уже намъ по майдашинскому рисунку (№ 4), женщина, но здѣсь она въ какомъ-то пышномъ головномъ уборѣ и сидитъ на коврѣ. Кромѣ тѣхъ же двухъ пляшущихъ передъ нею, третій человѣкъ подводить къ ней животное, изображенное только до половины. На первомъ же планѣ стоитъ человѣкъ, котораго, по важной его осанкѣ, пышному головному убору, образующему два рога, и мечу при правомъ бедрѣ, можно счесть за владѣльца, или хана, мужа сидящей особы: для нихъ-то могла быть произведена и самая охота. Влѣво отъ него находится сѣдалище со спинкою, образуюшею видъ сердца, и сверхъ того большая собака, а справа лань съ теленкомъ и зародышемъ, въ ней изображенными.

Таб. V представляетъ три камня съ начертаніями. Изъ числа ихъ №№ 1 и 2 стоять на низкихъ курганахъ, вправо отъ дороги, идущей возлѣ рѣчки Камышты. Въ изсѣченныхъ

1) Облава, или, точнѣе, *аблава*, отъ монгольскихъ словъ *абаламай* и *аблаха*, есть охота за звѣрями, производимая особымъ способомъ. По описанію Талласа (*Voyages etc.* T. VI, p. 402), она, главнѣйше, состоитъ въ томъ, что охотники, избравъ открытое мѣсто, по близости горы, лѣса, или рѣки, и предводителя охоты, собираются туда, каждый на лучшей лошади, съ собакою и вооруженный лукомъ, и раздѣляются на малыя артели; потомъ по одиночкѣ, на 60 и болѣе сажень другъ отъ друга, составляютъ общий кругъ, стѣсняютъ его съ шумомъ и крикомъ, выгоняютъ звѣрей на средину и бьютъ стрѣлами изъ луковъ.

на нихъ и, частію, выбитыхъ острымъ орудіемъ начертаніяхъ, видны на одномъ (№ 1) болѣе частію кошкообразные знаки; на другомъ (№ 2) та же, можетъ быть, или подобная, группа пляшущихъ, какъ на таб. IV въ Тепсинскихъ начертаніяхъ подъ № 5, и гдѣ также между разными и, отчасти, сходными символическими знаками, ниже изображенъ пляшущій одинъ; но на камнѣ № 3, стоящемъ на горѣ Изицѣ, а не на курганѣ, нѣть ничего, кромѣ символическихъ знаковъ.

Объясненныя теперь мною начертанія, составляютъ малую только часть изъ находящихся въ южной Сибири. По свѣдѣнію, сообщенному любознательнымъ княземъ Н. А. Костровымъ «въ настоящее время по рѣкамъ Енисею, Абакану и Тубѣ открыто уже болѣе 45 надписей». Подъ именемъ надписей разумѣеть онъ, конечно, не однѣ буквенные, но и вещественныя начертанія, потому-что собственно надписи, изображенные краскою, сколько известно, находятся въ одномъ лишь мѣстѣ тамошняго края, именно, на скалѣ, называемой Перевозною-Горой, на правомъ берегу Енисея, противъ Абаканска. При дальнѣйшемъ изслѣдованіи другихъ вещественныхъ начертаній, предложенные мною догадки, о содержаніи теперь разсмотрѣнныхъ, или подтверждаются, или нѣкоторыя изъ нихъ и совсѣмъ будутъ отвергнуты. Во всякомъ случаѣ, впрочемъ, эти начертанія не лишены интереса, по одному уже сближенію чрезъ нихъ отдаленнѣйшихъ мѣстъ и событий, если бы и не признавать въ нихъ изображенія подробностей кочевой жизни такого народа, который изчезъ съ лица земли, почти не замѣченный исторіею.

Что же былъ за народъ, изъяснившися такимъ необыкновеннымъ языкомъ на берегахъ Енисея, Камы и Онежскаго-озера? По всей вѣроятности, это могли быть тѣ же самые Гуны, которые оставили намъ свои курганы и загадочныхъ истукановъ, тѣмъ болѣе, что они, по свидѣтельству писателей, современныхъ нашествію ихъ въ IV вѣкѣ на Европу, не умѣли

ни читать, ни писать, и даже съ трудомъ объяснялись на природномъ своемъ языке (Исторія Тавріи М. Сестреншевича-Богуша. Спб. 1806, Т. II, стр. 85). Поэтому они, еще въ прежнихъ своихъ жилищахъ, могли прибѣгнуть къ вещественному, или олицетворительному, способу изъясненія мыслей и преданій, хотя въ-послѣствіи его и оставили, бывъ во многихъ мѣстахъ лишь мимоходомъ и живя постоянно только на прибрежьяхъ Азовскаго моря и на Днѣпровскихъ степяхъ, гдѣ нѣтъ ни горъ, ни скалъ, удобныхъ для произведенія подобныхъ начертаній.

Но какимъ образомъ такія же начертанія очутились на Онежскомъ-озерѣ, когда Гуинны, сколько известно, вовсе не проникали въ такую даль съвера? Этотъ вопросъ можетъ быть разрѣшенъ развѣ только тѣмъ, что такъ какъ въ числѣ выведенныхъ ими изъ Сибири и захваченныхъ на пути народовъ были и Финны, или Чудь, то эти послѣдніе, отдѣляясь отъ нихъ, могли удалиться въ любимый свой съверъ и, основавшись тамъ, возобновить занятое ими отъ Гунновъ искусство тайнописанія. Кто знаетъ, не имъ ли обязана Сибирь и всеми древними начертаніями? Такъ, по-крайней-мѣрѣ, полагаетъ г. Гревингкъ.

Нынѣ не видимъ болѣе, чтобы народы финскаго или другихъ племенъ, обитающихъ въ Россіи и Сибири, употребляли, для выраженія своихъ мыслей и дѣйствій, какие-нибудь представительные и символические знаки. Изображенія на шаманскихъ бубнахъ, иногда сходныя съ начертанными на скалахъ и камняхъ, также расписываніе лицъ пунктирнымъ накалываніемъ разныхъ узоровъ (татуированіе), встрѣчаемыя донынѣ у енисейскихъ Тунгусовъ, Юкагировъ, Чукчей и камчатскихъ островитянъ, имѣютъ другія основанія: одни дѣлаются для приданія, можетъ быть, большаго значенія своимъ волхвованіямъ, другіе же изъ тщеславія, отъ котораго, конечно, не изъяты и самые дикии. Но какъ у дикихъ жителей Америки доселѣ удержался еще обычай выражаться гіероглифическими

и вещественными начертаніями, не смотря на сходство ихъ съ европейскою цивилизацію, то, по этому сходству и нѣкоторымъ другимъ сближеніямъ, Гумбольдтъ почитаетъ болѣе чѣмъ вѣроятными древнія сношенія между западными Американцами и восточными азіатцами; какими же именно путями и съ какими Азіятскими племенами они происходили — опредѣлить въ настоящее время, по мнѣнію его, нѣть никакой возможности. Думаетъ онъ, однакожь, что воинственное и образованное племя Гіонгну (Гунновъ, по Дегиню) могло перебраться и на материкъ Америки (*Ansichten der Natur*, Nota 28). Между-тѣмъ, этотъ же знаменитый ученый говорить въ другомъ мѣстѣ, что «народы самыхъ разнородныхъ происхожденій, въ одинаково-дикомъ состояніи, при одинаковой наклонности къ упрощенію и обобщенію очерковъ, побуждаемые внутреннимъ духовнымъ расположениемъ къ риѳическому повторенію и совокупленію образовъ въ ряды, могутъ поражать и одинаковые знаки и символы». (*Ibidem*, Nota 50, по переводу г. Кетчера, въ первомъ томѣ *Магазина Землевѣдѣнія и Путешествій*, изд. Н. Фроловымъ).

Какъ бы то ни было, но столь разительное сходство между памятниками древности у народовъ, разделенныхъ такими огромными пространствами мѣстъ и времени (какъ эти памятники ни просты, ни незамысловаты), не должно быть только случайностью, но, повидимому, доказываетъ съ одной стороны неоспоримость единства человѣческаго рода, а съ другой, что древнія народныя племена, и по раздѣленіи своеемъ, бывъ на одинаковой степени образованности, внесли съ собою въ занятая ими новыя мѣста нѣкоторыя общія черты тогдашняго своего житейскаго быта, или, наконецъ, пріобрѣли одинаковый взглядъ на предметы, чрезъ взаимныя сношенія между собою, болѣе тѣсныя и плодотворныя, чѣмъ въ настоящее время.

III. НАДПИСИ.

Послѣ кургановъ и вещественныхъ начертаній, остается еще разсмотрѣть буквенные знаки, открытые въ Сибири на нѣкоторыхъ прибрежныхъ скалахъ и на камняхъ, большою частію поставленныхъ надъ курганами, также изображенія на первыхъ красками. По преимуществу начертаній, отъ самаго способа ихъ воспроизведенія, содѣйствовавшаго сохраненію ихъ на дождайшее время, предъ послѣдними, хотя тоже довольно сопротивлявшимися разрушительному дѣйствію сибирскаго климата, благодаря прочности употребленныхъ для нихъ красокъ, начнемъ и очеркъ нашъ съ первыхъ.

А) Буквенные начертанія.

Нельзя предполагать, чтобы вещественные и буквенные начертанія были дѣломъ одного и того же народа. Въ такомъ случаѣ должно допустить и высшее образованіе этого народа, чѣмъ то, какое онъ могъ имѣть въ кочевомъ своемъ состояніи и даже приписать ему нѣкотораго рода роскошь въ искусствахъ народовъ болѣе образованныхъ, которые представляютъ въ одно время предметы въ описаніяхъ и на картинахъ. Скорѣе можно согласиться, что то были разноплеменные народы, или и одного племени, но въ различныя эпохи своего существованія.

Если принять за доказанный фактъ, что древнѣйшими, известными намъ, обитателями южной Сибири были Гунны, то кому бы, казалось, ближе, какъ не имъ, приписать и эти буквенные начертанія? Но, кромѣ сейчасъ представленного нами противъ того довода, есть еще другой, гораздо важнѣйший, именно тотъ, что Гунны, какъ было уже выше замѣчено, при нашествіи своемъ въ IV вѣкѣ на Европу, не умѣли ни читать, ни писать, и даже во времена самого Чингисъ-хана, т. е. въ началѣ XIII вѣка, по свидѣтельству татарского историка Абуль-

газы-Багадуръ-хана, между однородцами ихъ, Монголами, были грамотъями одни только Уйгуры, племя, совершенно чуждое имъ. Почти тоже подтверждаетъ и Хутухта-Джабдзанъ-Дамба въ своей монгольской лѣтописи. »До Хайсанъ - Хулугъ - хана«, говоритъ онъ, »Монголы не могли читать книгъ, писанныхъ уйгурскими буквами (своихъ же еще не имѣли); а Уйгурами въ то время назывались Тангуты«. Хайсанъ-Хулугъ-ханъ былъ племянникъ Хубилай (Кублай) - хана, внука Чингисъ-ханова, и жилъ въ началѣ XIV вѣка (Игумнова »Обозрѣніе Монголіи«, »Сибирск. Вѣст.« 1819, Ч. VI, стр. 126 и слѣд.). Синологи наши и монголисты считаютъ самыя письмена монгольскія уйгурскими. По всѣмъ вѣроятностямъ, Гуны едва ли могли быть производителями буквенныхъ начертаній въ Сибири; то былъ другой народъ, открытия которого будемъ ожидать отъ самыхъ начертаній, когда достигнемъ ихъ истолкованія.

Было бы несправедливо винить ученыхъ и путешественниковъ, посѣщавшихъ отдаленную Сибирь, что они не обращали вниманія какъ на эти буквенные начертанія, такъ и на другіе памятники ея древности. Напротивъ того, они старались, по возможности, описывать ихъ и, въ то же время, не упускали случаевъ срисовывать встрѣчаемыя ими начертанія. Нѣсколько послѣднихъ впервые находимъ мы у Страленберга (*Ibidem* p. 318 et 397. Таб. V et XII), потомъ у Палласа (*Voyages etc.* T. VI. p. 240 Таб. XXX et *Neue Nordische Beyträge* Том. V), равно въ моемъ »Сибирскомъ Вѣстнику« (1818, ч. I, стр. 78—80. Т. II и III) и »*Inscriptiones Sibiriacaes*« (р. 3 — 4, Т. III et IV). Были также ученые, пытавшіеся объяснять эти начертанія. Въ главѣ ихъ профессоръ Байеръ, въ С.-Петербургѣ, который разсматривалъ начертанія, современно вывезенные изъ Сибири докторомъ Мессершмидтомъ, снятая имъ, одинъ съ камня, стоявшаго на возвышенійше курганѣ между рѣками Тесью и Ербаю, впадающими съ лѣвой отроны въ Енисей, другія съ такихъ же камня и кургана, противъ устій рѣчекъ Беи и Нени,

текущихъ въ Уйбать; за тѣмъ Тихсенъ, въ Ростокѣ, разбиралъ пять списковъ съ подобныхъ же начертаній, снятыхъ съ могильныхъ камней и доставленныхъ ему Палласомъ. Но оба эти ученые искали въ начертаніяхъ только сходства съ гото-скими и кельтскими письменами, тогда какъ имъ, болѣе всего, слѣдовало бы обратиться къ письменамъ сосѣдственаго Востока. По этой причинѣ, вѣроятно, въ истолкованіи ихъ они и не имѣли успѣха. Не болѣе оказали его и занимавшіеся, между прочимъ, въ послѣдствіи этими начертаніями, знаменитый парижскій ученый Абель-Ремюза и бывшій харьковскій профессоръ Роммель, какъ и нѣкоторые изъ оріенталистовъ нашего времени; по крайней мѣрѣ они отчасти указали путь, котораго въ этомъ случаѣ должно держаться (см. Дополненій №№ 2 и 3).

Не повторяя здѣсь тѣхъ снимковъ съ начертаній, которые уже известны и доступны для всѣхъ желающихъ ими пользоваться, ограничусь, на этотъ разъ, однимъ только подобнымъ памятникомъ древности, найденнымъ въ 1847 году близъ г. Минусинска, на лѣвой сторонѣ рѣки Енисея, въ полуверстѣ отъ такъ-называемой д. Означенной, путешествовавшимъ по Сибири, по порученію Императорской С. Петербургской Академіи наукъ, докторомъ философіи Кастреномъ. Это камень, представленный здѣсь на таб. VI, съ изображенными на немъ буквенными знаками; онъ имѣеть 3 аршина длины, 12 вершковъ ширины и $3\frac{1}{2}$ вершка толщины. Главныя начертанія, образующія три строки, или ряда, буквъ, находятся на верхней сторонѣ камня, а прочія, заключающія въ себѣ по двѣ строки, на бокахъ, изъ которыхъ въ послѣднемъ недостаетъ болѣе половины строки, отъ поврежденія въ этой части самаго камня. Всѣ эти строки, по видимому, простираются горизонтально, но, судя по нѣкоторымъ повтореннымъ въ нихъ знакамъ, вверху и на бокахъ, направлены не въ одну сторону. Вотъ все, что можно сказать объ этомъ достопримѣ-

чательномъ, и едва ли кому еще известномъ, памятникъ древности¹⁾.

Б) *Изображенія, писанныя красною краской.*

Если въ сообщенномъ мною въ *Inscriptiones Sibiriacae* (Таб. II) образцъ этого рода письменности, снятой съ гранитной скалы лѣваго берега рѣчки Смолянки, близъ впаденія ея въ Иртышъ, ученые, находя только правильныя прямыя и угловатыя фигуры, да решетки, не могли о нихъ сдѣлать никакого заключенія, то представляемыя теперь, на таб. VII, подобныя же изображенія, открытые въ тамошнемъ краѣ и никѣмъ еще неизданныя, не дадутъ ли болѣе пищи ихъ любознательности и остроумію.

№ 1, съ гранитной скалы праваго берега Иртыша, въ 12 верстахъ выше Бухтарминской крѣпости и въ 4 отъ Гусинаго залива, образующаго небольшой изгибъ рѣки. На другомъ

1) Онъ хранится донынѣ тамъ же, гдѣ былъ найденъ, именно въ Шушенскомъ волостномъ правленіи (Минусинского округа Енисейской губерніи)—местѣ отдаленномъ и почти никѣмъ не посѣщаемомъ. Поэтому нельзя не пожелать, чтобы и этотъ памятникъ, по примѣру того, который съ именемъ Чингисъ-хана (къ сожалѣнію, иначе опредѣлить его невозможно, потому что три перевода монгольской на немъ надписи, сдѣланныя въ С.-Петербургѣ, Кяхтѣ и Иркутскѣ, согласны между собою только въ одномъ этомъ имени) перевезенъ былъ въ С.-Петербургъ, какъ представитель другаго рода сибирской древней письменности, гдѣ, можетъ быть, современемъ, найдутся и истолкователи его начертаній, могущіе чрезъ то пролить свѣтъ и на другое подобные памятники. Гранитный камень съ именемъ Чингисъ-хана въ 2 аршина 13 вершковъ длины, $14\frac{3}{4}$ вершковъ ширины и 5 вершковъ толщины, доставленъ былъ въ С. Петербургъ изъ Нерчинска въ 1832 году, въ-слѣдствіе записки моей, представленной въ 1829 году покойному свѣтлѣйшему князю П. М. Волконскому, бывшему въ то время моимъ начальникомъ по Кабинету Е. И. В. До Екатеринбурга достигъ этотъ камень при казенныхъ караванахъ нерчинскомъ и колыванскомъ, а далѣе слѣдовалъ, съ разными тяжестями, водянымъ путемъ, требуя, въ обоихъ случаяхъ, самыхъ малыхъ расходовъ. Шушенскій камень можетъ совершить путь до Красноярска по Енисею, а остальный такимъ же образомъ, какъ и первый, при несомнѣнномъ содѣствіи въ томъ начальника губерніи, дѣйствительнаго члена нашего Общества В. К. Падалки.

снимкѣ, прежде мнѣ доставленномъ, тѣ же самые очерки изображены съ болѣшею симметричностію: тамъ съ правой стороны, вмѣсто неопределѣлѣнныхъ фигуръ, какъ здѣсь, представлены двѣ правильныя: одна четыреугольная, другая — пересѣкаемая крестообразно двумя чертами, которыя, можетъ быть, рисовалъщикомъ пропущены, или и отъ времени изгладились, такъ-какъ и весь нижній рядъ, заимствованный мною оттуда же и представленный въ томъ же правильномъ порядкѣ.

№ 2 съ обрушенной части подобной же скалы и по близости того же Гусинаго залива. Судя по очеркамъ человѣка и разныхъ другихъ фигуръ, и эти изображенія представлены были въ прежнемъ рисункѣ; но опять въ одномъ ряду и всѣ вполнѣ, между-тѣмъ какъ здѣсь онѣ разбросаны въ беспорядкѣ и, иногда, состоять изъ однихъ остатковъ, не дающихъ понятія о всей фигурѣ.

№ 3 съ гранитной скалы, образующей, при почвѣ своей, нѣчто въ родѣ устья пещеры. Эта скала лежитъ отъ Зыряновскаго-рудника на западъ, примѣрно верстахъ въ 7. Нѣкоторые изъ очерковъ повреждены, другихъ едва замѣтны лишь слѣды. Величина ихъ вообще отъ 3 вершковъ до 1 аршина. Краска, которою они писаны, болѣе темнобураго, чѣмъ краснаго цвѣта, вѣроятно, измѣнившаяся по открытому дѣйствію на нее воздуха, между-тѣмъ какъ прочія изображенія защищены выдавшимися изъ скаль камнями. По словамъ жителей, близъ зыряновскихъ находились еще и другія, подобныя имъ, изображенія, но писанныя синею краскою, и по отпаденіи каменной плиты, на которой существовали, нынѣ совсѣмъ не видны.

№ 4 съ гранитной скалы праваго берега р. Бухтармы, въ 2 верстахъ отъ д. Крестовки. Эти изображенія составляютъ только малый остатокъ отъ прежде бывшихъ. Копытообразные очерки ихъ напоминаютъ подобные же, найденные близъ Енисея (таб. VIII), равно какъ и известные слѣды человѣческихъ ногъ и конскихъ копытъ, какъ бы оттиснутые на гра-

нитной плитѣ, которые находятся подъ вала Бухтарминской крѣпости и которые возродили много догадокъ о своемъ происхожденіи. Суевѣрные Киргизы прямо признаютъ человѣческіе слѣды за Адамовы, хотя они и неодинаковой между собою величины (см. »Азіатскій Вѣстникъ« 1825 г. декабрьской книжки стр. 244, где приложено и самое изображеніе всѣхъ этихъ слѣдовъ).

Сколько описаныя мною теперь изображенія ни рознятся между собою, по мѣстности своей и самимъ очеркамъ фигуръ, но всѣ представляютъ нѣкоторый общій характеръ. Замѣтное отчасти расположеніе ихъ, какъ будто бы рядами, и сходство взятыхъ порознь знаковъ, даже на отдѣльныхъ скалахъ, могутъ вести къ заключенію о буквенномъ ихъ значеніи. Но какія то могли быть буквы?

Въ вышеприведенномъ Атласѣ, изданномъ барономъ Шодуаромъ, видимъ нѣчто сходное съ нашими изображеніями, особенно въ монетахъ, относящихся къ китайской династіи Вань-мань, отъ 9 до 22 года по Р. Х., какъ-то: planche II, №№ 2, 5, 7 — 12 и planche LV, №№ 5 — 17). Заимствованныя изъ этого Атласа образцы, наиболѣе сближающіеся, въ нѣкоторыхъ фигурахъ, съ настоящими и прежде сообщенными мною, въ *Inscriptiones Sibiriacaes* (Tab. II, III, IV), знаками, помѣщены и здѣсь (таб. VII, внизу).

Если такое сходство сибирскихъ и китайскихъ изображений не есть только дѣло случая, а дѣйствительно происходитъ отъ тождественныхъ буквенныхъ, или другихъ какихъ-либо условныхъ, знаковъ, въ такомъ случаѣ, не послужать ли они, кроме нѣкотораго пособія въ нашихъ изысканіяхъ, къ оправданію замѣчанія Абель-Ремюза, который, въ помѣщенномъ ниже извлечениіи изъ его статьи, между прочимъ, говоритъ (Дополненій № 3): »Китайскія буквы почти всегда извѣстны были въ Татаріи. Многіе народы ввели ихъ въ употребленіе безъ всякой перемѣны, другіе же приспособили ихъ къ свойству

своего языка и къ образу употребленія. Можно предполагать, что, въ различныхъ случаяхъ, буквы эти теряли символическое или представительное свойство и обращались въ простые знаки слоговъ или азбуки».

В) *Надписи, изображенные черною краскою известными буквами.*

Надписи, изображенные известными буквами, казалось бы, и не на неизвестномъ языке, возбуждаютъ не одно только любопытство, но и болѣе надежды на изъясненіе ихъ, чѣмъ предъидущіе, несмотря на неудававшіяся до-сихъ-поръ попытки къ тому. Эти надписи были въ двухъ мѣстахъ южной Сибири.

Во-первыхъ, въ одной известковой пещерѣ, на правомъ берегу р. Бухтармы, въ 12 верстахъ на С. В. отъ Бухтарминской крѣпости. Пещера эта въ устьѣ своеемъ имѣеть до $3\frac{1}{2}$ сажень высоты и 3 ширины; но, вскорѣ съуживаясь, идетъ изгибами и, съ 12-й сажени по длинѣ, дѣлается вовсе недоступною, образуя разсѣлину до одного аршина въ вышину и только до полутора аршина въ ширину. Надписи находились, при самомъ входѣ, на правой стѣнѣ. Онѣ, судя по снимкамъ съ нихъ, состояли изъ нѣсколькихъ строкъ, писанныхъ отѣсно, сверху внизъ, разнымъ почеркомъ, крупнымъ и мелкимъ, можетъ быть, и въ разное время. Въ бытность мою тамъ, не оставалось уже ни малѣйшаго слѣда этихъ надписей. По преданію, сохранившемуся у жителей Бухтарминской крѣпости, подтверждаемому и покойнымъ П. А. Словцовымъ («Ист. Обозр. Сибири», кн. I, стр. 545), надписи уничтожены въ 1806 году возвращавшимся изъ китайского посольства, бывшаго съ графомъ Головкінымъ, известнымъ ученымъ и ориенталистомъ Клапротомъ. Онѣ, при посѣщеніи своеемъ этой пещеры, вырубилъ ихъ саблею, по той будто-бы причинѣ, что въ нихъ, по словамъ его, заключался какой-то невыгодный отзывъ о Рус-

скихъ. Подлинно, самый буквальный переводъ! Къ счастю, по сохраненнымъ нами снимкамъ можно еще надѣяться получить понятіе какъ о содержаніи этихъ надписей, такъ и о томъ, что побудило Клапрота къ такому геростратовскому подвигу: дѣйствительно ли, довольно впрочемъ странно высказавшійся, патріотизмъ, или несомнѣнныи и ничѣмъ неоправдываемый вандализмъ? Не служить ли этотъ его подвигъ, какъ и другіе подобные, совершенные въ недавнее еще время, на другомъ поприщѣ, образованными друзьями Турокъ, живымъ убѣжденіемъ того, что достигнувшая крайнихъ своихъ предѣловъ, цивилизaciя снова возвращается къ варварству? Иначе, какъ все это согласить съ простымъ здравымъ смысломъ и требованiями цивилизациi.

Во-вторыхъ, подобныя предъидущимъ надписи существуютъ еще донынѣ на лѣвомъ берегу Енисея, противъ Абаканского острога, на краснопесчаниковомъ утесѣ, такъ называемой Перевозной - горы, отъ существующаго здѣсь перевоза чрезъ рѣку. Этотъ утесъ отвѣсно воздымается прямо надъ водою. Надписи размѣщены почти на одной линіи, во время низкаго стоянія воды, около 3 сажень отъ ея поверхности. Содержащие ихъ камни болѣе прочихъ выдаются на вѣшнюю сторону.

Палласъ, въ путешествiи своемъ по Сибири, первый, сколько мнѣ известно, обратилъ вниманiе ученаго свѣта на эти любопытныя надписи. Въ бытность его въ этомъ мѣстѣ (1 Октября 1771), онъ только лишь вкратцѣ упомянулъ о нихъ: 1) что надписи видимы почти на всѣхъ плитахъ скалы, защищенныхъ выдавшеюся верхнею ея частью; 2) что онъ хорошо сохранились и превосходно изображены на монгольскомъ языкѣ, кроме двухъ татарскихъ; 3) что буквы въ нихъ не болѣе обыкновенныхъ прописныхъ (немецкихъ), и наконецъ 4) что всѣ эти надписи, по-крайней-мѣрѣ, древнѣе завоеванiя этой части Сибири Русскими. (Voyages etc. T. V, p. 37). Въ другую же бытность свою тамъ (16 Сентября 1772), Палласъ срисовалъ нѣкоторыя

изъ надписей, болѣе-подручныхъ и яснѣ-видимыхъ: изъ числа ихъ три передалъ онъ, для перевода, находившемуся въ Селенгинскѣ при пограничныхъ дѣлахъ ученому маюру Власову; но занявшійся тѣмъ, по порученію его, тамошній пограничный же толмачъ ничего не могъ въ нихъ разобрать, не признавая эти надписи ни монгольскими, ни манжурскими, а находя только похожими на древнія манжурскія, извѣстныя Китайцамъ (Ibidem T. VI, p. 330 — 333).

Спустя около 40 лѣтъ послѣ Палласа, поѣтивъ тамошній край, я не нашелъ никакой перемѣны въ надписяхъ, кромѣ того, что не видаль между ними ни одной татарской, которая была бы изображена горизонтально отъ права влѣво, какъ обыкновенно пишутъ Татары. По невозможности приступить къ съемкѣ надписей, въ бывшее тогда лѣтнее время, безъ особыхъ большихъ приготовленій, по причинѣ крутизны скалы, отвѣсно возвышающейся надъ самою водой — для чего не доставало мнѣ и времени — я рѣшился то испытать слѣдующей зимой, тѣмъ болѣе, что снятые Палласомъ надписи извѣстны лишь по имени. И мнѣ удалось, съ помошью даровитаго красноярскаго живописца Мартына Хозяинова, скопировать только немногого надписей, при господствовавшемъ тогда жестокомъ, настоящемъ сибирскомъ, холодѣ, надѣясь, что онъ могутъ дать нѣкоторое понятіе и о содержаніи прочихъ, хотя надежда моя, къ сожалѣнію, и не оправдалась.

Прежде всего снимки съ этихъ надписей, равно какъ и съ бухтарминскихъ, отправлены были мною (во время пребыванія еще въ Сибири) въ Верхнеудинскъ, къ покойному А. В. Игумнову, одному изъ отличнейшихъ знатоковъ монгольского и манжурского языка и первоначальному образователю, для монгольской каѳедры Казанскаго Университета, гг. Ковалевскаго и Попова. Вотъ что онъ мнѣ сообщилъ.

«1) Надписи изображены сверху внизъ, отъ лѣвой руки къ правой, по образцу монгольского письма; 2) буквы въ нихъ

«состоять изъ смѣси монгольскихъ съ татарскими, которы
изображены неискусно, и даже грубо, и 3) не смотря на сход-
ство всѣхъ этихъ письменъ съ монгольскими и на самое зна-
ченіе нѣкоторыхъ, прочитанныхъ мною, словъ, онъ писаны
не на монгольскомъ; а на другомъ какомъ-то языкѣ, и могутъ
быть истолкованы развѣ какимъ-нибудь ученымъ Бухарцемъ,
знающимъ, кромѣ своего, и соѣдственныя нарѣчія».

Найдя такой отзывъ невполнѣ удовлетворительнымъ, я
обратился опять къ А. В. Игумнову съ просьбою о сообщеніи
мнѣ какъ разобранныхъ имъ словъ, такъ и дальнѣйшихъ его,
объ этомъ предметѣ, выводовъ. Въ-слѣдствіе того, онъ доста-
вилъ мнѣ (уже въ С.-Петербургѣ), отъ 10 мая 1817 года, за-
писку, въ которой, находя, изъ всѣхъ доставленныхъ мною
ему семи надписей, болѣе сближающимися съ монгольскими
письменами, по самой связи взятаго порознь каждого рѣчения,
№№ 1 и 2, означаетъ въ графахъ приложенной имъ таблицы:
а) всѣ рѣчениа, показавшіяся ему явственнѣе другихъ; б) сход-
ство ихъ съ монгольскими нынѣшняго почерка; в) выговоръ
ихъ по-русски; г) переводъ, буде онъ что-либо значать, по-
монгольски. Надписи же: № 3 болѣе сходна, по его мнѣнію,
съ арабскими, чѣмъ съ монгольскими письменами, хотя изобра-
жена и сверху внизъ; №№ 4, 5 и 6 кажутся ему только
произвольными знаками, а не буквами; въ № 7 видить также
какіе-то гіероглифическіе знаки. При чемъ замѣчаетъ, что и
изъ первыхъ двухъ надписей не внесъ онъ въ свою таблицу
многихъ рѣчений, по неясности и грубости ихъ, чтобъ, въ слу-
чаѣ ихъ истолкованія, неудачными своими догадками не затмить
болѣе настоящаго въ нихъ смысла, и наконецъ заключаетъ,
что при всемъ видимомъ сходствѣ этихъ письменъ съ монголь-
скими, и даже нѣкоторыхъ словъ, имѣющихъ значеніе на этомъ
языкѣ, не полагаетъ онъ, однакоже, чтобы надписи были мон-
гольскія; но, вѣроятно, онъ начертаны на какомъ-либо изъ

языковъ тѣхъ народовъ, которые обитаютъ между Восточною Индіею и нынѣшними Оренбургскою и Сибирскою лишіями.

Для приданія всѣмъ этимъ надписямъ болѣй извѣстности, онъ были помѣщены мною въ «Сибирскомъ Вѣстнике» (1818, Ч. I, таб. V и VI) и въ «Inscriptiones Sibiriacaes» (1822 Т. V et VI). Но, вмѣсто перевода, или истолкованія ихъ, встрѣтили онъ отъ монголистовъ почти того же рода сужденія, что изображены хотя и монгольскими буквами, только на неизвѣстномъ языкѣ; не принадлежащіе же къ первымъ, оріенталисты Клапротъ и Френъ прикрыли свое невѣдѣніе лишь враждебнымъ для меня отзывомъ, что надписи не вѣрно сняты мною и потому для нихъ вовсе непонятны. Эта тактика не новая!

Напослѣдокъ г. Титовъ снялъ вновь надписи съ Перевозной-горы (не полагаемъ, чтобы всѣ, а только нѣкоторыя). Употребленный имъ къ тому способъ, свидѣтельствуя съ одной стороны о пеутомимости его въ удовлетвореніи своей любознательности, съ другой стороны показываетъ и всю удобность его къ лучшему достижению цѣли.

Онъ приблизился къ скалѣ, на которой изображены надписи, на большомъ плоту и снималъ ихъ при помощи камеръ-обскуры, конечно, по неимѣнію даггеротипнаго прибора, который бы въ этомъ случаѣ былъ еще лучше и удобнѣе.

Кромѣ удостовѣренія князя Н. А. Кострова въ «разительномъ сходствѣ» съ самыми надписями снимковъ г. Титова, повѣренныхъ имъ на мѣстѣ, доказательствомъ тому можетъ служить и одинъ изъ числа доставленныхъ мнѣ отъ него снимковъ, который тотъ же самый, что помѣщенъ на прежде изданной мною таблицѣ надписей, подъ № 3. Близость этихъ снимковъ уничтожаетъ недовѣрчивость поименованныхъ выше оріенталистовъ и къ остальнымъ шести, мною сообщеннымъ. Представляю здѣсь, на таб. VIII, всѣ дошедшия до меня отъ г. Титова, какъ не изданныя еще въ свѣтѣ, снятые имъ надписи:

№ 1, съ верхней части камня, находящагося въ утесѣ Перевозной-горы слѣва;

№ 2, съ средней части того же камня;

№ 3, съ нижней части того же камня;

№ 4, со втораго камня, и

№ 5, съ третьяго камня.

Посылка княземъ Н. А. Костровымъ снимковъ какъ съ этихъ надписей, такъ и съ начертаній на камнѣ, найденномъ близъ г. Минусинска покойнымъ Кастреномъ, къ профессору Казанскаго Университета И. Н. Березину, хотя и не подвинула впередъ нашихъ о нихъ свѣдѣній, но все же нѣсколько уяснила ихъ, возродивъ притомъ въ г. Березинѣ надежду, при лучшей передачѣ сму всѣхъ этихъ надписей, на прочтеніе нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ видно изъ его письма (Дополненій № 4).

Теперь осталось только поговорить о полученномъ мною переводѣ послѣдней изъ сообщенныхъ здѣсь надписей (№ 5), который въ 1841 году сдѣлалъ ей нѣкто г. Н. Островскій. Переводъ заключаетъ въ себѣ слѣдующія слова:

«Не смотри! здѣсь въ ущелинѣ шумитъ вода и тѣснятся «стада и народъ.»

При изложенныхъ нами сужденіяхъ извѣстнѣйшихъ ориенталистовъ о всѣхъ этихъ надписяхъ, едвали можно имѣть уже довѣрѣнность къ этому переводу, отзывающемуся чѣмъ-то въ родѣ Оссіана? Но, во всякомъ случаѣ, онъ лучше Клапотова перевода, или, точнѣе, извода бухтарминскихъ надписей.

ДОПОЛНЕНИЯ.

№ 1.

Примѣръ повѣствованія канадскихъ дикарей, въ гіероглифическомъ родѣ, посредствомъ изображенія самыхъ предметовъ

товъ, объ одномъ военномъ походѣ Французовъ противъ Ирокезцевъ, сообщенный де-ла Гонтаномъ и состоящій изъ десяти рядовъ, или строкъ.

Строка 1-я. Гербъ Франціи и, сверху, сѣкира. Сѣкира служить знакомъ войны у дикихъ, какъ чубукъ знакомъ мира. Это показываетъ, что Французы подняли сѣкиру, т. е. выступили на войну, въ такомъ количествѣ десятковъ человѣкъ, сколько видно въ окружности знаковъ; здѣсь ихъ 18, слѣдовательно 180 человѣкъ.

Строка 2-я. Гора, по объясненію дикихъ, представляетъ городъ Монреаль; птица летящая съ вершины горы — отъездъ, или отбытие, изъ него Французовъ; мѣсяцъ же на спинѣ оленя — время первой четверти юля, называемаго у дикихъ оленымъ мѣсяцемъ.

Строка 3-я. Лодка означаетъ, что бѣхали водою столько дней, сколько поставлено на берегу шалашей, а ихъ 21, слѣдовательно и плыли они 21 день.

Строка 4-я. Нога показываетъ, что потомъшли сухимъ путемъ столько же, сколько шалашей тутъ видно, т. е. 7 дней, полагая на каждый по пяти обыкновенныхъ французскихъ миль.

Строка 5-я. Рука и три шалаша значатъ, что на три дня пути приближались къ селенію Ирокезцевъ; гербъ, или представительный ихъ знакъ, составляетъ также шалашъ, съ двумя наклонившимися къ землѣ деревьями. Солнце показываетъ, что пришли съ восточной стороны селенія. Если же бышли съ западной, то и гербъ былъ бы помѣщенъ къ той сторонѣ, гдѣ рука, а рука была бы обращена туда, гдѣ находится гербъ, т. е. шалашъ и два дерева.

Строка 6-я. Двѣнадцать знаковъ означаютъ двѣнадцать десятковъ человѣкъ, какъ и въ первой строкѣ; а шалашъ съ двумя деревами (гербъ Ирокезцевъ), людей этого народа; чрезъ человѣка же, лежащаго на землѣ, должно подразумѣвать то, что непріятели напали врасплохъ.

Строка 7-я. Булава и одиннадцать головъ служать указаниемъ, что убито одиннадцать Ирокезцевъ; а пять человѣкъ, стоящихъ ногами на пяти знакахъ, что такое же число десятковъ уведено военнопленными.

Строка 8-я. Десять головъ въ лукѣ означаютъ число убитыхъ изъ нападавшихъ побѣдителей; а двѣнадцать знаковъ, видимыхъ ниже, число раненыхъ.

Строка 9-я. Стрѣлы, пущенные на воздухъ, показываютъ храбрую защиту и твердое, съ обѣихъ сторонъ, сопротивление.

Строка 10-я Стрѣлы, летающія въ одну сторону, представляютъ побѣжденныхъ, которые бѣгутъ, или дерутся, отступая въ смятеніи и беспорядкѣ.

Все это де-ла-Гонтанъ объясняетъ, что 180 Французовъ, выступивъ изъ Монреаля съ первой четверти мѣсяца юля, плыли 21 день. Потомъ, пройдя сухимъ путемъ 35 миль, напали врасплохъ на 120 Ирокезцевъ по восточную сторону ихъ селенія; изъ числа которыхъ 11 человѣкъ лишились жизни и 50 взяты въ плѣнъ, съ потерей со стороны Французовъ 9 человѣкъ убитыми, а 12 ранеными. Битва была очень упорная. (Voyage de la Hontan, Том. 2, pag. 191).

№ 2.

Замѣчанія бывшаго профессора древностей въ Харьковскомъ Университетѣ, Роммеля, помѣщенные въ № 204 Геттингенскихъ ученыхъ извѣстій (*Göttingische gelehrte Anzeigen*) 1823 года, обѣ изданномъ 1822 г. въ С.-Петербургѣ академикомъ Кругомъ, по порученію государственного канцлера графа Н. П. Румянцева, латинскомъ переводѣ сочиненія Императорской Академіи Наукъ корреспондента Спасскаго, о сибирскихъ начертаніяхъ и надписяхъ (*Inscriptiones Sibiriacaе. De antiquis quibusdam sculpturis et inscriptionibus in Sibiria repertis etc.*), съ 7 литографированными таблицами.

«На первой таблицѣ представлены найденныя неподалеку отъ Томска, на утесѣ изъ зеленоватаго глинистаго сланца, въ 70 футовъ вышины, фигуры четвероногихъ животныхъ, людей, головъ и проч., которые имѣютъ величайшее сходство съ открытymi Гумбольдтомъ на американскихъ скалахъ (какъ полагаетъ и г. Спасскій), и суть памятники грубаго искусства кочевыхъ или звѣроловныхъ народовъ, населившихъ, вѣроятно, сѣверъ Азіи и Америки однимъ племенемъ. Вторая таблица ведеть насъ къ одному гранитному утесу у Смолянки, ручья, втекающаго въ Иртышъ, и показываетъ (по объясненіямъ г. Спасскаго) писанныя красною краскою, болѣею частію правильныя угловатыя линіи и рѣшетки, которымъ нельзя приписать никакого словеснаго значенія (таковыя находятся и въ Америкѣ, по съдству большихъ рѣкъ); нѣсколько ниже помѣщены грубыя начертанія, подобныя тѣмъ, какія на таблицахъ третьей и четвертой, о коихъ мы будемъ говорить далѣе. Надписи на пятой, шестой и седьмой таблицахъ, снятые съ камней и въ пещерѣ, суть явно восточныя, частію монголо-татарскія и манжурскія, частію неизвѣстнаго азіатскаго письма. Мы рекомендуемъ ихъ Ланглю, Клапроту и другимъ, и возвращаемся къ третьей таблицѣ. Она содержитъ найденныя болѣею частію на Енисѣѣ, супротивъ Абаканска, на утесѣ, вѣроятно, скиѳскія или греко-готскія начертанія, кои, вмѣстѣ съ изображенными на четвертой таблицѣ грубыми буквами (сообщенными уже Палласомъ въ его *Neuesten Nordischen Beiträgen*, но здѣсь точнѣе переданными), заслуживаютъ величайшее вниманіе.»

Начертанія, снятые Палласомъ съ разныхъ камней въ Сибири, Роммель находитъ точно такими же, какія открыты имъ самимъ, въ Германіи, въ древнихъ могилахъ гессенской земли¹⁾.

1) *Huhnengraber*. Такъ называются въ Германіи древнія могилы, кои простой народъ приписываетъ великанамъ. *Huhne* или *Heune*, по Аделунгову словарю, означаетъ и чужестранца и великана. Слово сіе, вѣроятно, заимствовано отъ названія Гунновъ, дикихъ завоевателей, устрашавшихъ нѣкогда Европу. Примѣчаніе А. Х. Востокова, сообщившаго мнѣ эту статью.

Предварительное извѣстіе объ этомъ открытии его сообщено Гереномъ въ Götting. gelehrt. Anzeig. 1819. № 143; а нѣкоторыя изъ этихъ, открытыхъ въ Германіи, начертаній помѣстилъ Гриммъ, для опыта, на таблицѣ IX, при своемъ разсужденіи о нѣмецкихъ рунахъ.

Роммель, обращая вниманіе ученыхъ на удивительное сходство сибирскихъ начертаній съ найденными въ Германіи, приглашаетъ палеографовъ войти въ разсмотрѣніе сдѣланшаго Олаемъ Гергардомъ Тихсеномъ, въ Neuest. Nord. Beyträgen, опыта къ разобранію Палласовыхъ сибирскихъ начертаній, обѣщаю въ то же время издать полнѣйшіе, противъ сообщенныхъ Гриммомъ на табл. IX, списки съ начертаній, имъ самимъ открытыхъ въ Гессенѣ, и поискать еще таковыхъ же руновъ въ нѣдрахъ гессенской земли; причемъ присовокупляетъ просьбу къ петербургскимъ и южнороссійскимъ ученымъ, чтобы они удостоили вниманія своего большой камень, съ подобными начертаніями, близъ Славянска, на Донцѣ (довольно извѣстный тамошнему инспектору училищъ). Роммельѣздилъ, въ свое время, изъ Харькова, осмотрѣть этотъ камень, но, за недостаткомъ предварительныхъ познаній, къ сожалѣнію, мало онъ высмотрѣлъ¹).

№ 3.

Извлеченіе изъ статьи о томъ же предметѣ г. Абель-Ремюза (Abel-Remusat), помѣщенной въ октябрской книжкѣ 1822 г. «Journal des Savants». (Переводъ этой статьи былъ вполнѣ напечатанъ въ «Азіятскомъ Вѣстнике» (1825, стр. 285—303), съ разными замѣчаніями, имѣвшими современное значеніе, теперь же исключенными).

«Посвятивъ въ сочиненіи своемъ — пишетъ Абель-Ремюза —

1) Любопытно было бы узнать, нѣть ли какого-либо сходства между этими и сибирскими начертаніями, въ особенности по сосѣдству ихъ съ мѣстностями, занятymi нѣкогда Гуннами. Если одинъ изъ моихъ знакомыхъ, имѣющій свое помѣстье по близости Славянска, доставить мнѣ, по обѣщанію, точной списокъ съ этихъ начертаній, то я не премину подѣлиться ими съ публикою.

относящемся къ языкамъ народовъ сѣверной Азіи ¹⁾), цѣлую главу разсмотрѣнію письменъ, употреблявшихся въ древности Татарами, я желалъ особенно обратить вниманіе ученыхъ на подобные остатки. По многимъ причинамъ очень полезно сохранить ихъ отъ потери и, можетъ статься, въ то самое время, когда образованность начинаетъ возникать въ пустыняхъ сибирскихъ, должно употребить ее для собиранія писанныхъ памятниковъ, тамъ уцѣлѣвшихъ. Время пощадило многіе изъ нихъ; народы кочующіе не останавливались для ихъ истребленія. Но тѣ, которые будутъ прокладывать дороги, рѣть каналы, строить крѣпости, или дома, можетъ быть, не пощадятъ ихъ. И такъ, особенно должно желать, чтобы отвращены были потери, которыя, по сущности своей, не возвратимы.

«Въ этомъ-то отношеніи книжка, о которой мы объявляемъ, показалась намъ достойною вниманія. Это сочиненіе (*Inscriptiones Sibiriacaæ*) есть изъ числа первыхъ, гдѣ видно желаніе заниматься собираніемъ сибирскихъ древностей, и хотя, по краткости его и неважности представленныхъ въ немъ памятниковъ, оно скорѣе можетъ возбудить любопытство ученыхъ, чѣмъ удовлетворить его; но было бы несправедливо не похвалить усердія, съ которымъ они собраны; ибо продолжая подобныя изысканія, конечно, можно дойти до самыхъ любопытныхъ открытій.

«Прежде подробнаго разсмотрѣнія помѣщенныхъ въ этой книжкѣ надписей, изъ которыхъ многія находятся уже въ другихъ сочиненіяхъ, я считаю не безполезнымъ предварительно дать краткое понятіе о тѣхъ родахъ письменъ, какія можно надѣяться отыскать въ среднихъ и сѣверныхъ частяхъ Азіи. Многіе, даже ученые, люди, привыкнувъ судить о прежнемъ состояніи этихъ странъ по нынѣшнему положенію ихъ, можетъ быть, удивятся, что отыскиваютъ надписи въ землѣ

1) *Recherches sur les langues Tartares*, том. 1. ch. III, p. 64—88.

Остяковъ, Бурятъ и Тунгусовъ. Но надобно напомнить имъ, что на этихъ мѣстахъ нѣкогда обитали многіе разноплеменные народы, и что знаніе письменъ, которыя употребляли они, можетъ разлить величайшій свѣтъ на важные историческіе и философическіе вопросы.

«Ни одно историческое положительное свѣдѣніе не представляетъ намъ доказательствъ, чтобы у народовъ татарскаго происхожденія существовала правильная система собственно такъ-называемаго письма, за вѣкъ до нашего лѣтосчислѣнія. Но можно однакожъ предполагать и то, что Индійцы должны были проникнуть, гораздо еще прежде, въ сѣверныя страны. Вѣроятно, что съ народами сѣверной Татаріи имѣли сношеніе сперва Персы, потомъ Греки Бактрійскіе; безъ сомнѣнія и торговля жалѣзомъ, шелкомъ и другими произведеніями восходитъ до отдаленнѣйшихъ эпохъ, и отысканіе слѣдовъ ея было бы чрезвычайно-любопытно. Съ другой стороны, Татарамъ приписываются употребленіе письма, которое, по начертанію, долженствовало имѣть сходство съ сѣверными рунами ¹⁾), и это письмо, безъ сомнѣнія, было въ употребленіи у того поколѣнія Индо-Готеовъ, которое у Китайцевъ известно подъ именемъ У-сунь и которое, за сто лѣтъ до Рождества Христова, обитало на земляхъ, лежащихъ къ западу отъ Иртыша и озера Зайсана. Весьма важно было бы знать: дѣйствительно ли до восточныхъ странъ дошелъ особенный и известный народамъ Скандинавскимъ образъ письма европейскаго. Памятникъ, который бы подтвердилъ это, былъ бы любопытнѣйшимъ открытиемъ.

«Вмѣстѣ съ нашимъ лѣтосчислѣніемъ, или нѣсколькоъ прежде, начинается рядъ положительныхъ свѣдѣній, какія мы можемъ имѣть о словесности народовъ сѣверной Азіи. Около того же времени азбука Деванагари дошла, конечно, подъ различными

1) Ibidem p. 65 et suiv.

видами и измѣненіями, въ Тибетъ, Хотанъ, Яркань, Кашкаръ¹⁾ и до береговъ Тяллаго-Моря (озера Балхашъ). Можетъ быть употребленіе ея совершенно извѣстно было и племенамъ, кочевавшимъ въ странахъ, гораздо съвернѣйшихъ. Введеніе иностранной азбуки необходимо предполагаетъ чужеземное вліяніе и въ другихъ отношеніяхъ, какъ то: въ нравственномъ, политическомъ и духовномъ; она служить къ тому средствомъ и представляетъ доказательства этого вліянія. Поэтому, распространеніе системы образованности, возникшей въ Индостанѣ, между съверными народами, въ столь отдаленное время, и имѣющее связь съ важнымъ вопросомъ объ отношеніяхъ Индіи къ Европѣ, было бъ, безъ сомнѣнія, объяснено, если бы въ Татаріи найдены были индійскія надписи, съ означеніемъ времени, и которыхъ возможно было бы прочесть. Вотъ второй родъ памятниковъ, которыхъ нельзя не искать и не стараться дѣлать извѣстными.

«Изъ числа западныхъ народовъ, не одни Бактрійскіе Греки могли оставить въ Татаріи слѣды своихъ вторженій. Спустя нѣсколько времени, за ними слѣдовали Сиріяне съ азбукою, которой буквы должны сходствовать съ такъ-называемымъ письмомъ »странгелос«, или съ буквами, бывшими, какъ намъ извѣстно, въ употребленіи у Несторіанъ и Якобитовъ. Надпись на камнѣ, найденномъ въ Си-ань-фу (VIII столѣтія), представляетъ черты, подобныя »странгелос«; но въ достовѣрности этого памятника (хотя, по нашему мнѣнію, и безъ основанія) сомнѣваются²⁾. И такъ особенно желать должно, чтобы въ Татаріи найдены были другія этого рода, но древнѣйшія и достовѣрнѣйшія надписи; онѣ дали бы намъ возможность раз-

1) Въ Тибетъ легко могли проникнуть деванагарійскія письмена, вмѣстѣ съ шигемуніевою вѣрою; но сомнительно, чтобы они извѣстны были въ приведенныхъ здѣсь городахъ Малой Бухаріи, коихъ коренные жители издревле держатся исламизма.

2) *Journal des Savants*, Octobre 1821, p. 599.

съять мракъ, доселъ покрывающей начало уйгурской, или монгольской азбуки. Мы узнали бы, что заимствовала она отъ Сиріянъ и какія измѣненія произвели въ ней первые татарскіе народы, принявши употребленіе ея; мы имѣли бы свѣдѣніе, было ли въ самомъ началѣ дано ей отвѣтное направлениe и употреблялась ли она въ письмѣ другихъ нарѣчій, кромѣ турецкаго и монгольского. Наконецъ какой-нибудь памятникъ, представляя намъ письмо сиро-татарское, бывшее въ употреблениi до временъ Чингисъ-Хана, совершенно уничтожилъ бы все сомнѣнія, возникшія въ новѣйшее время, будто бы уйгурская азбука была древнѣ монгольской¹⁾). Этотъ третій разрядъ памятниковъ не менѣе любопытенъ какъ и два предъидущіе²⁾.

«Наконецъ, китайскія буквы были почти всегда известны въ Татаріи. Многіе народы ввели ихъ въ употребленіе безъ всякой перемѣны; другіе же приспособили къ свойству своего языка и къ образу употребленія. Можно предполагать, что, въ различныхъ случаяхъ, буквы эти теряли символическое или представительное свойство и обращались въ простые знаки словъ, или азбуки. Даже старались начертать исторію этихъ измѣненій и показать, что Китане (?) и Чучи (Tchoutchi?) должны были составить настоящую азбуку изъ преобразованныхъ китайскихъ буквъ³⁾ и силились доказать, что слѣдствіе этого дѣйствія (которымъ заняться было бы любопытно для

1) Mines de l' Orient, том. VI, р. 321.

2) Самыя монгольскія буквы, нынѣ употребляемыя, представляютъ едва ли не одинъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ, доказывающихъ связь принявшихъ ихъ восточныхъ народовъ съ западными. Не взирая на приоровленіе монгольского письма къ китайскому и, частію, можетъ быть, умышленное измѣненіе вида буквъ, нельзя не замѣтить, что почти все оно происходитъ отъ греческихъ и сирійскихъ, равно какъ и сходствующія съ ними калмыцкія и манжурскія буквы. Объ этомъ подробно изложено мною въ «Обозрѣніи Монголіи» (см. «Сиб. Вѣстн.» 1819 г. Ч. V), гдѣ пріобщена и самая азбука монгольская, представляющая буквы въ положеніи обыкновенномъ и приоровленномъ къ сходнымъ съ ними.

3) Recherches sur les langues Tartares, том. I р. 79.

людей, изъискивающихъ начало азбуки) и обстоятельства могли бы послужить къ ея открытию; это слѣдствіе существуетъ еще донынѣ въ письмѣ корейскомъ, котораго начала, по видимому, заимствованы изъ китайскихъ буквъ и между собою связываются какъ настоящія буквы¹⁾). Слѣдовательно, самое малое открытие въ этомъ родѣ разлило бы свѣтъ не на одну исторію, но и на философію языковъ, и на разборъ одного изъ удивительнѣйшихъ изобрѣтеній, чрезъ которыя люди умѣли представить мысли посредствомъ звуковъ. Чучи и, особенно, Китане, занимали въ Татаріи обширныя страны. Намъ известно, что, по обыкновенію всѣхъ почти азійскихъ народовъ, они, въ разныхъ частяхъ своихъ владѣній, ставили *peи*, то есть каменные обелиски, съ надписями на двухъ или трехъ языкахъ. Весьма вѣроятно, что при хорошемъ направленіи изъисканій, можно было бы открыть хотя одинъ изъ нихъ, и надпись этого рода лучше разрѣшила бы всѣ вышеозначенные вопросы, чѣмъ разсужденія и догадки, которыми старались замѣнить недостатокъ памятниковъ.

«Здѣсь открывается весьма обширное поле для ревности изъискателей и прозорливости критиковъ. Изъисканія были бы обильны и разнообразны, а открытия важны и новы. Одни только Русскіе могутъ предпринимать то и другое, поручая мѣстному начальству отыскивать, въ южныхъ частяхъ Имперіи, сохранившіеся письменные памятники. Трудъ подобный тому, которому обязано это краткое сочиненіе, сообщаемое теперь читателямъ, могутъ они произвестъ гораздо въ большемъ размѣрѣ.

«Г. Спасскій, корреспондентъ Императорской Санктпетербургской Академіи Наукъ, не имѣлъ намѣренія издать древніе памятники всякаго рода, встрѣчаемые въ Сибири, особенно въ южной ея части, какъ то: остатки зданій, стѣны укрѣплений,

гробницы, курганы, утвари и орудія рудокоповъ. Онъ ограничился одними гіероглифическими знаками и надписями, которые или высѣчены, или нарисованы разными красками, на крутыхъ берегахъ рѣкъ, на скалахъ и на могильныхъ камняхъ.

«Не должно думать, чтобы выражение «гіероглифические знаки» заключало въ себѣ какую-либо важность; тѣ что г. Спасскій такъ называетъ, есть не что иное какъ грубо представленные и въ беспорядкѣ разбросанныя изображенія людей и животныхъ, такъ что можно сомнѣваться, хотѣли ли съ этимъ соединить какую-нибудь идею ¹⁾). Этотъ родъ изображеній намъ уже известенъ изъ образчиковъ, переданныхъ Лакрозомъ Куперу ²⁾ и изданныхъ Палласомъ ³⁾). Описанныя же г. Спасскимъ найдены были на утесѣ праваго берега рѣки Томи, выше города того же имени. Этотъ утесъ, называемый простымъ народомъ «Писаный-камень» (*la pierre gravée*), состоитъ изъ зеленоватаго сланца и имѣть высоты около 70 футовъ; фигуры же, занимающія ровную его часть, начинаются почти съ 21 фута отъ основанія утеса. Г. Спасскій находить великое сходство между этими начертаніями и снятыми Гумбольдтомъ съ американскихъ скалъ; но изъ этого нельзя вывести никакого сближенія, потому-что очень естественно, что столь сходные между собою въ грубости народы, встрѣчаются и въ намѣреніи изображать животныхъ одинакимъ грубымъ образомъ.

1) Изъ одной только грубой отдельки этихъ памятниковъ, нельзя еще заключать о ихъ маловажности, ибо, безъ особенной цѣли, для чего бы и высѣкать начертанія на высотѣ, до которой, иногда, не можно было иначе достигнуть, какъ на подмосткахъ? Можетъ быть и сибирскія древности будутъ имѣть когда-нибудь своего Шамполіона, который решить всѣ наши сомнѣнія и догадки.

2) Recueil, p. 108; Voyages, tom. V, p. 515, pl. XXX.

3) Здѣсь авторъ указываетъ на таб. XXX атласа, приложеннаго къ французскому переводу Путешествія Палласа; но тамъ представлены начертанія совсѣмъ другаго рода и между ними нѣтъ животныхъ и ничего такого, что сближало бы ихъ съ находящимися на Писаномъ-Камнѣ. Они болѣе сходны съ приложенными мною на таб. II.

»Надписи, находящіяся на гранитномъ утесистомъ берегу Смолянки, въ одной верстѣ отъ того мѣста, гдѣ этотъ ручей впадаетъ въ Иртышъ, и въ 45 верстахъ отъ крѣпости Устькаменогорской, не суть изображенія животныхъ, а фигуры, въ которыхъ, при всей видимой ихъ правильности, трудно отгадать намѣреніе, съ какимъ онѣ были изображены. Авторъ, по поводу этихъ надписей (если можно такъ называть ихъ), дѣлаетъ полезное замѣченіе, что подобныя изображенія, какъ и разныхъ животныхъ, всегда находятся на берегахъ большихъ рѣкъ и на утесахъ, гораздо выше тѣхъ, въ которыхъ примѣтны настоящія буквы и, слѣдовательно, которыя больше заслуживаютъ название надписей.

»Пять надписей, состоящихъ изъ неизвѣстныхъ знаковъ, но, вѣроятно, азбучныхъ, найдены были въ древней землѣ Турковъ, на сѣверной сторонѣ Алтайскихъ-горъ: три на утесахъ лѣваго берега Енисея, противъ Абаканска, четвертая на лѣвомъ берегу рѣки Чарыша, а пятая на одной изъ могилъ, называемыхъ курганами (на камнѣ, имѣющемъ 12 футовъ длины, 5 ширины и одинъ футъ толщины). Две изъ этихъ надписей (№№ 4 и 5) представляютъ обманчивое, можетъ быть, сходство съ рунами. Буквы четвертой изображены двумя линіями горизонтальными, отъ правой руки къ лѣвой; три послѣднія не имѣютъ сходства ни съ какимъ извѣстнымъ письмомъ. Во всѣхъ же основныя черты, по видимому, расположены горизонтально, если первоначальное направленіе ихъ не было измѣнено.

»Девять послѣднихъ надписей, изъ краткаго собранія г. Спасскаго, принадлежатъ къ извѣстному уже намъ роду письма Уйголовъ и Монголовъ. Но, какъ мы уже замѣтили, ихъ также невозможно прочесть, потому-что онѣ весьма испортились. Первыя пять находятся близъ рѣки Енисея, противъ Абаканска;

онъ изображены черною краскою на утесѣ, около 7 футовъ надъ водою. Три другія — въ пещерѣ за 12 верстъ отъ крѣпости¹⁾ Бухтарминской: пещера эта гораздо больше всѣхъ прочихъ окрестныхъ. Надписи находились на правой сторонѣ входа. Авторъ говоритъ, что ихъ видѣли еще въ 1805 году, въ которомъ началъ онъ заниматься собираниемъ надписей, и что впослѣдствіи онъ истреблены.

»Послѣдній, описанный г. Спасскимъ, памятникъ есть камень, хранящійся въ Нерчинскѣ¹⁾, *nei*, который, по мнѣнію нѣкоторыхъ, находился сперва на рѣчкѣ Кыркирѣ, впадающей въ Урулунгуй, которая течетъ въ Аргунь; по мнѣнію же другихъ, близъ рѣчки Кондуи, гдѣ въ землѣ найдено было много древнихъ вещей. Этотъ памятникъ тѣмъ болѣе занимателенъ, что надпись на немъ, безъ сомнѣнія, на монгольскомъ языке. Вмѣстѣ съ авторомъ, я нахожу въ ней слова: *omnium populo-rum mongolorum* (всѣхъ монгольскихъ народовъ); но сомнѣваюсь, чтобы вторая строка представляла имя Чингисъ-хана и думаю, что въ третьей находятся слова: *anno quinto* (въ пятомъ году). Изъ всѣхъ надписей въ перпендикулярныхъ линіяхъ и восточными буквами, о коихъ сообщено здѣсь, только въ послѣдней можно разобрать нѣкоторые слова, относящіяся до извѣстнаго языка.

»Г. Спасскій заключаетъ сочиненіе свое изъявленіемъ желанія, чтобы собраны и изданы были въ свѣтѣ другіе сибирскіе памятники. Мы не можемъ не согласиться съ нимъ и ласкаемся надеждою, что это будетъ исполнено: ибо по порученію государственноаго канцлера, графа Н. П. Румянцева, Кругъ перевелъ на латинскій языкъ замѣчанія г. Спасскаго. И стоитъ

1) Впослѣдствіи этотъ камень перевезенъ въ С.-Петербургъ: нѣкоторыя о немъ подробности сообщены мною выше.

только представить этому знаменитому и почтенному любителю древностей российскихъ пользу такого исторического изслѣдованія, чтобы удостовѣриться, при предпринятіи его, въ неизмѣнномъ покровительствѣ, пособіяхъ и просвѣщенныхъ его совѣтахъ. Мы надѣемся, что вслѣдъ за этимъ первымъ опытомъ явятся многіе другіе и что Сибирь будетъ имѣть своихъ Грутеровъ и Мураторіевъ.«

№ 4.

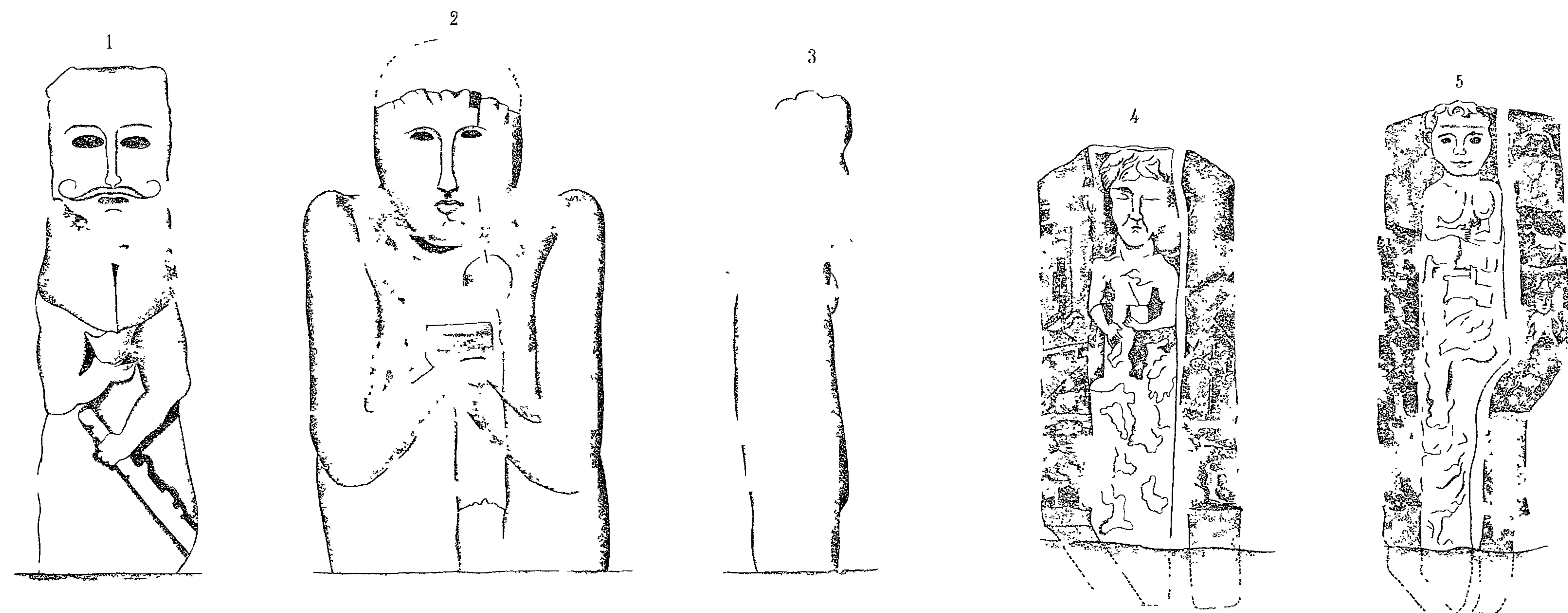
Письмо профессора Казанского Университета И. Н. Березина къ князю Н. А. Кострову, о полученныхъ отъ него снимкахъ съ сибирскихъ надписей и начертаній.

«Эти надписи, очевидно, дѣлятся на двѣ системы. Первая (Кастренская), принадлежащая, вѣроятно, аборигенамъ, или, лучше, древнѣйшимъ обитателямъ края, есть настоящая сфинксова загадка. Первый и главный вопросъ: на какомъ языкѣ она писана? Если удастся попасть на вѣрную мысль, то грамота будетъ разгадана, а до тѣхъ поръ нельзя предположить даже ни одной скучной догадки. Вторая надпись (абаканская) принадлежитъ временамъ Чингисъ-хана, или его преемниковъ: это уйгуршина, это та же грамота, что и въ ярлыкѣ Тохтамыша къ Ягайлу. Надпись эта не поддается чтенію со смысломъ, потому-что въ строкахъ отъ 6 до 17 едва можно признать нѣкоторыя буквы, и то въ концѣ: такъ надпись снята невѣрно, или повреждена временемъ. Далѣе опять идутъ отрывки, которые одинъ съ другимъ не вяжутся, и притомъ чрезъ слово, или чрезъ букву, становишься въ тупикъ. Съ уйгурской или монгольской азбукой ладить мудрено: *a* и *u* сходны; *z*, *e*, *w*, *k* — тоже; иногда тутъ примѣшиваются еще *i*, *t*, *d*, *b* и *y*, сходныя же. Буду ожидать съ нетерпѣніемъ новыхъ снимковъ,

а эти пока буду держать въ резервѣ: не имѣй я надежды на лучшія копіи, принялъ бы и за эти, въ которыхъ, въ одной строкѣ, читается удобно: бѣпъ-юзъ, пять сотъ. Очень жаль, что нѣтъ начала: по немъ можно бы было разомъ рѣшить смыслъ всей надписи и тогда уже читать приблизительно, чего теперь сдѣлать нельзя.«

Дѣйств. Чл. Григорій Спасскій.

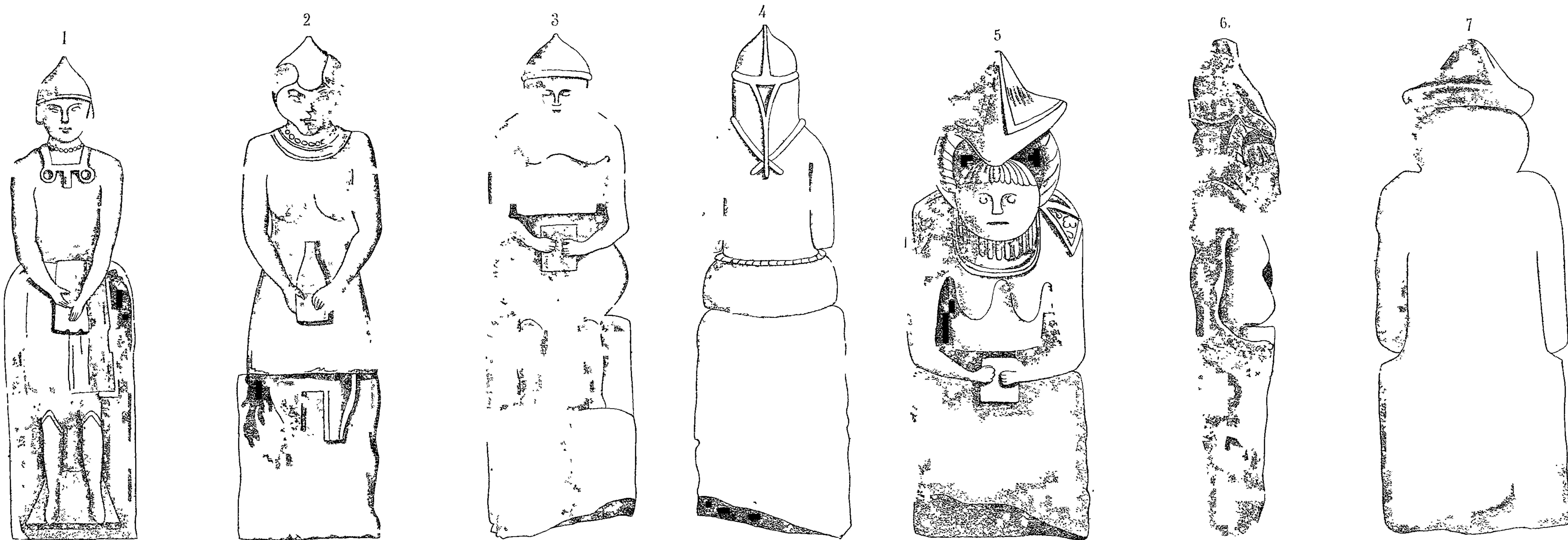
Табл. I.

СИБИРСКИЯ КУРГАННЫЯ СТАТУИ

Къ 1 2 и 3

Къ 4 и 5

ВЕЛИКО-РУССКИЯ КУРГАННЫЯ СТАТУИ

Къ 3 и 4

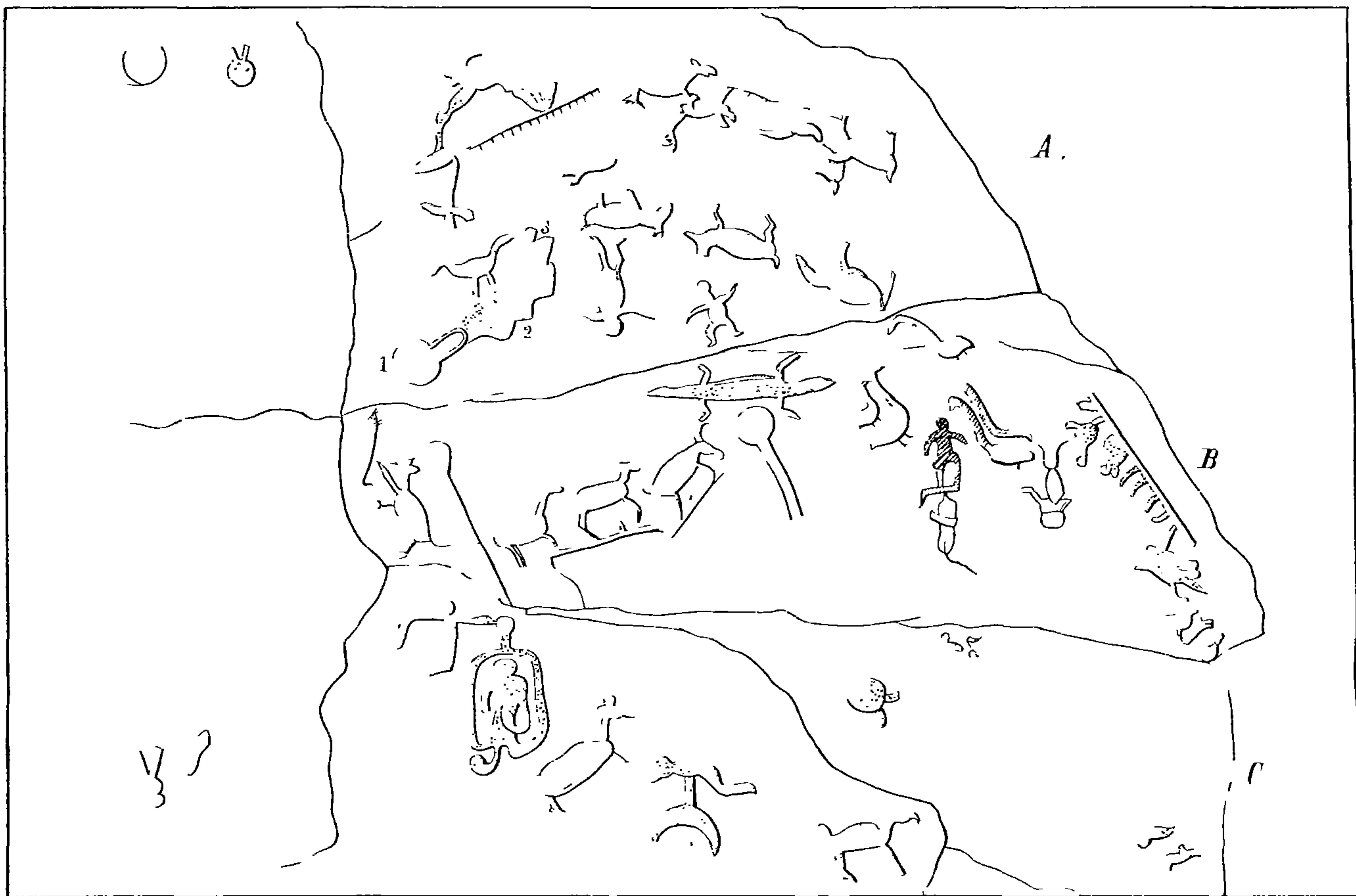
1 арш

Къ 5, 6 и 7

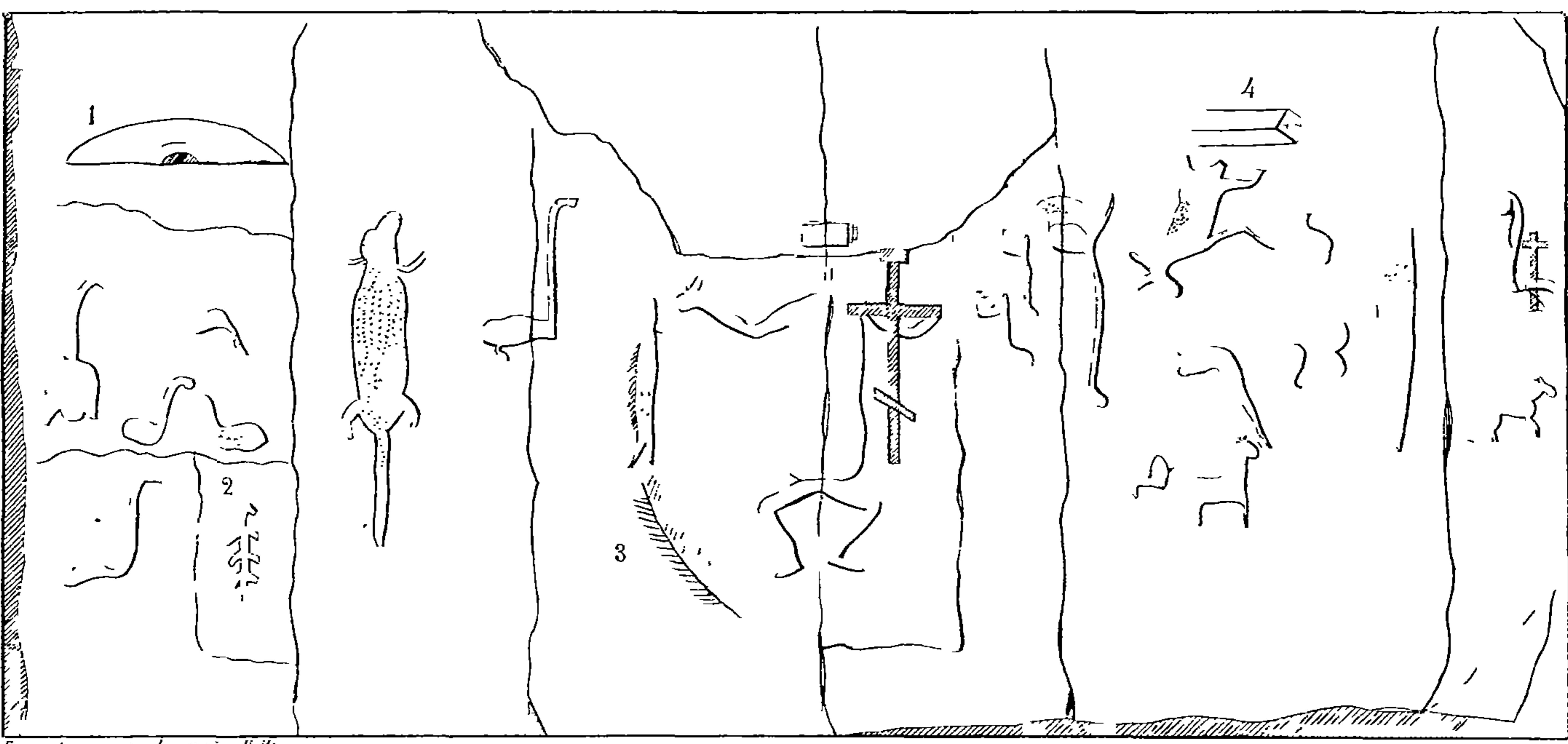
1 арш

A

Табл. II

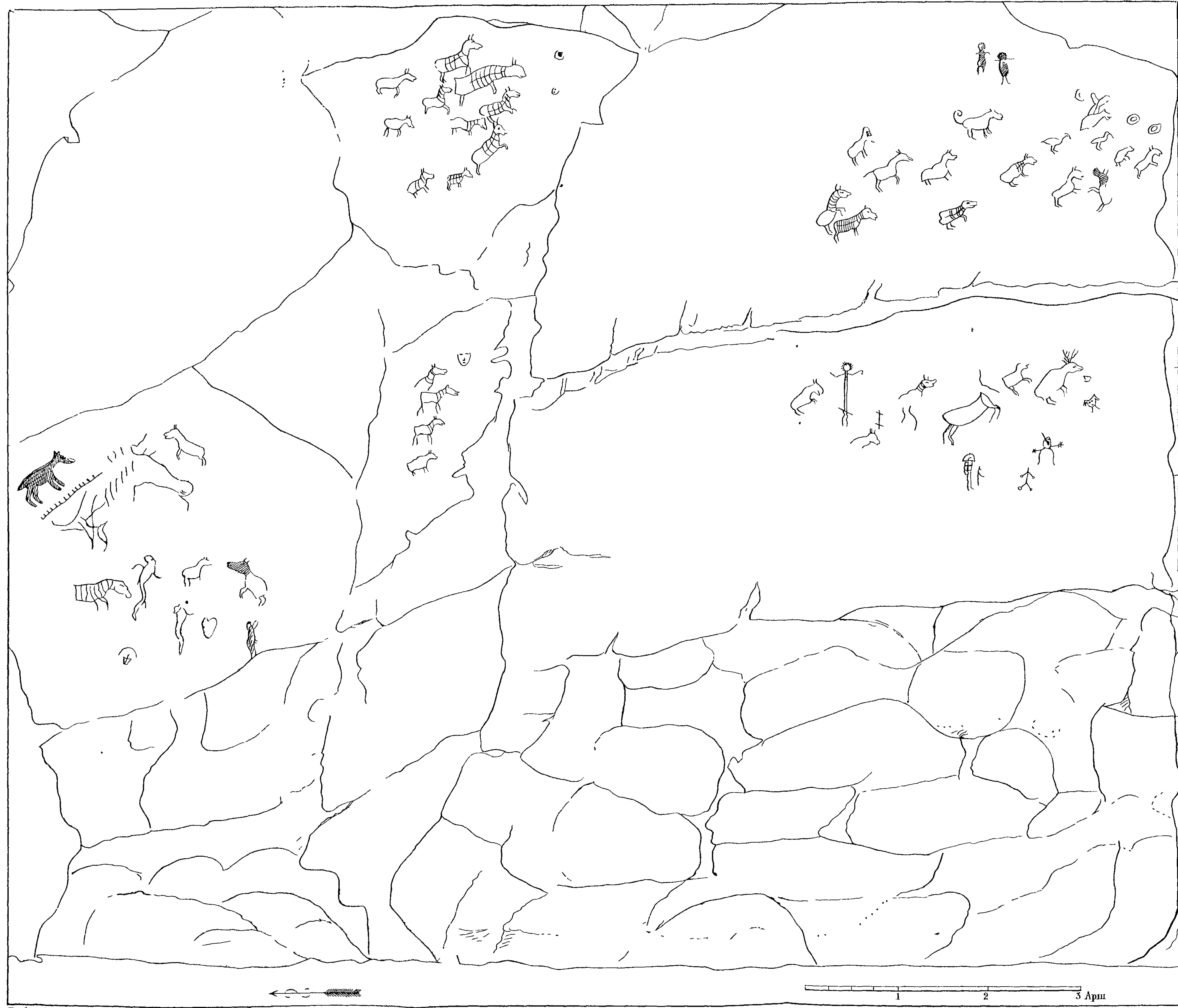

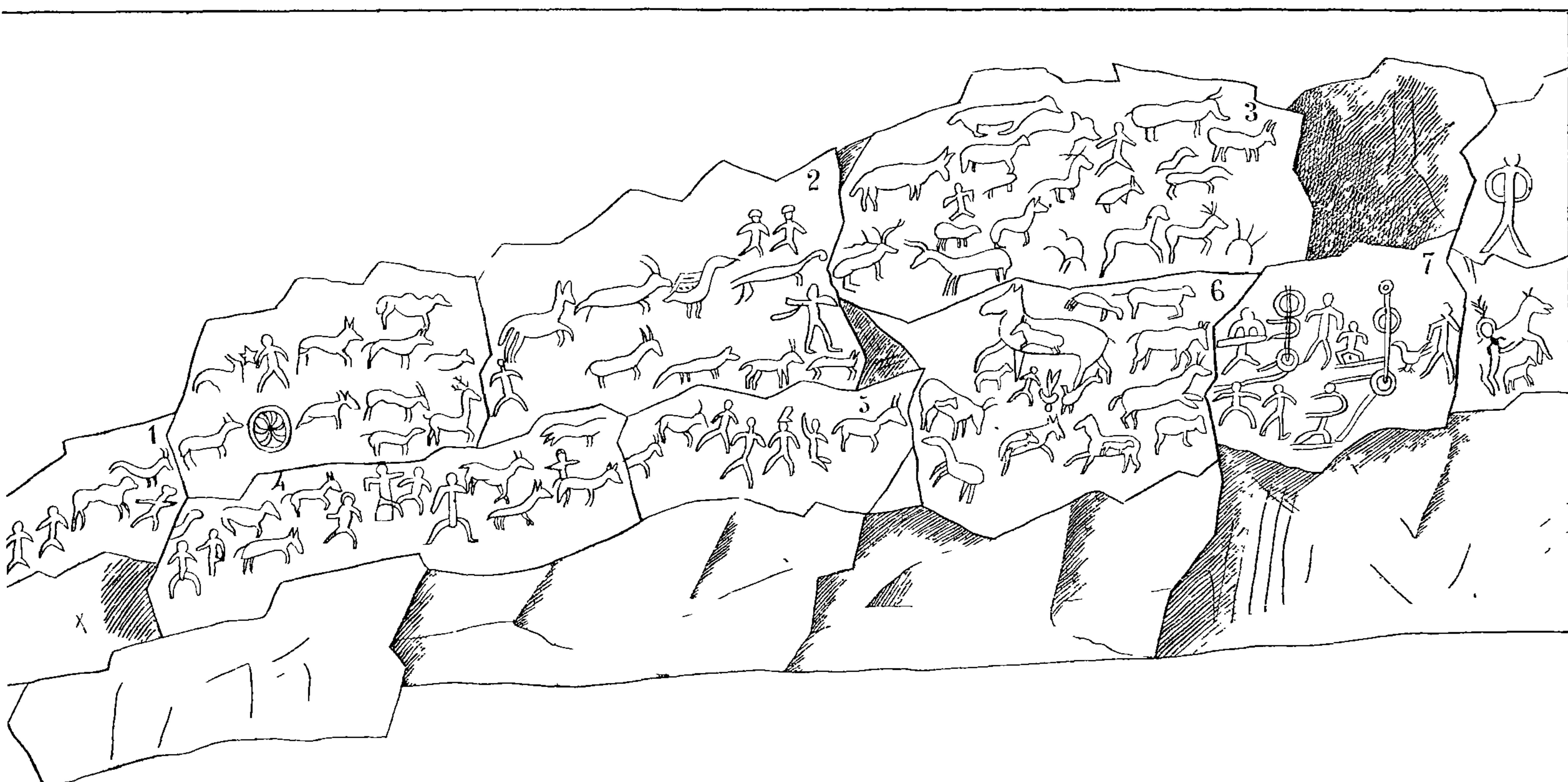
Б.

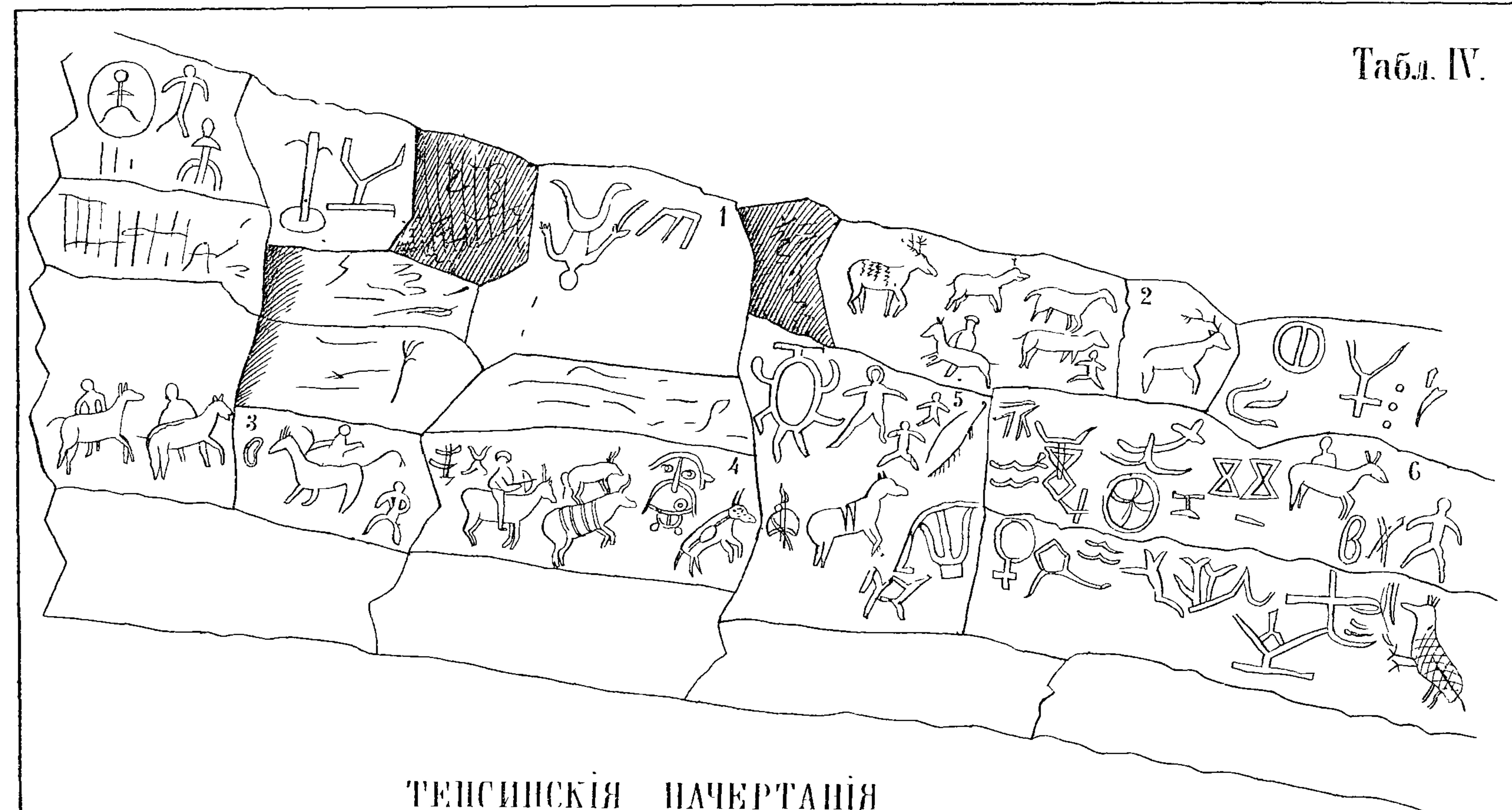
ПЛАЧЕРТАНІЯ НА СКЛАДАХЪ ОНЕЖСКАГО ОЗЕРА.

— 1 Арш — 2 Арш — 3 Арш

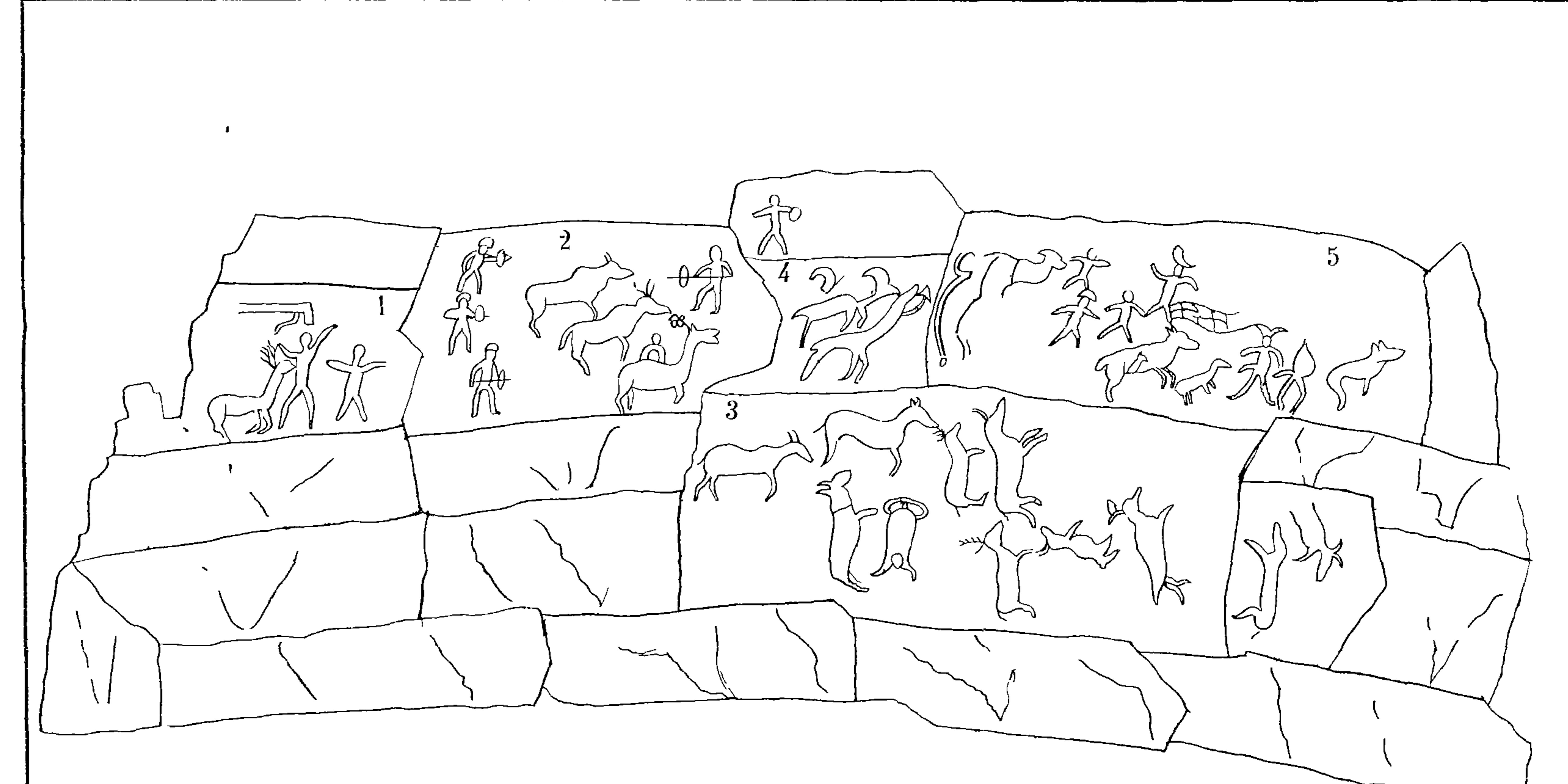
МАЙДАШИНСЬКА НАЧЕРТАНІЯ

ТЕНСИНСЬКА НАЧЕРТАНІЯ

АГЛАГІНСЬКА НАЧЕРТАНІЯ.

ПЕТРОШІЛОВСЬКА НАЧЕРТАНІЯ.

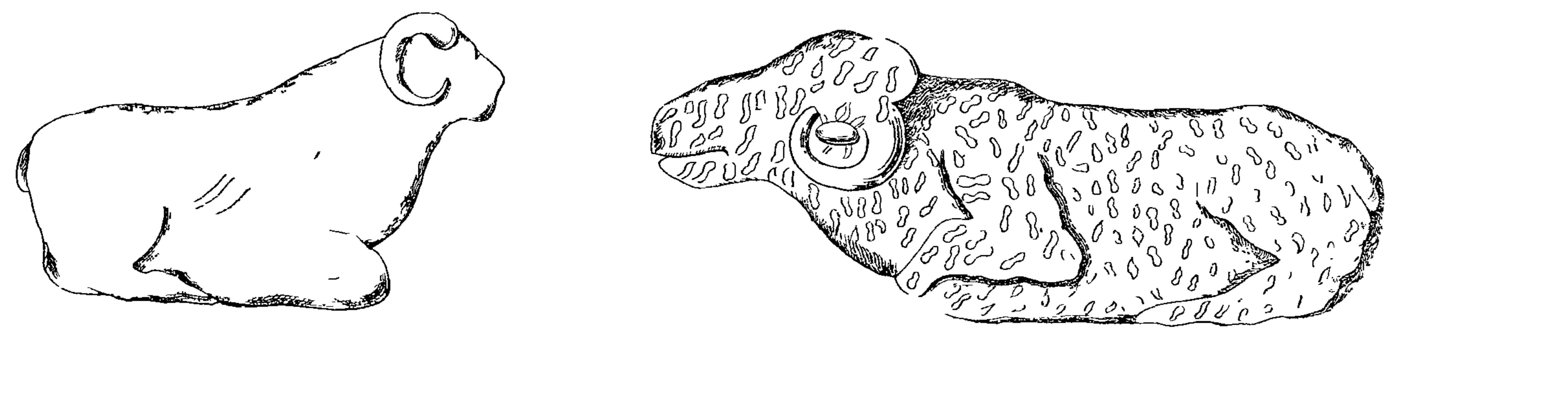


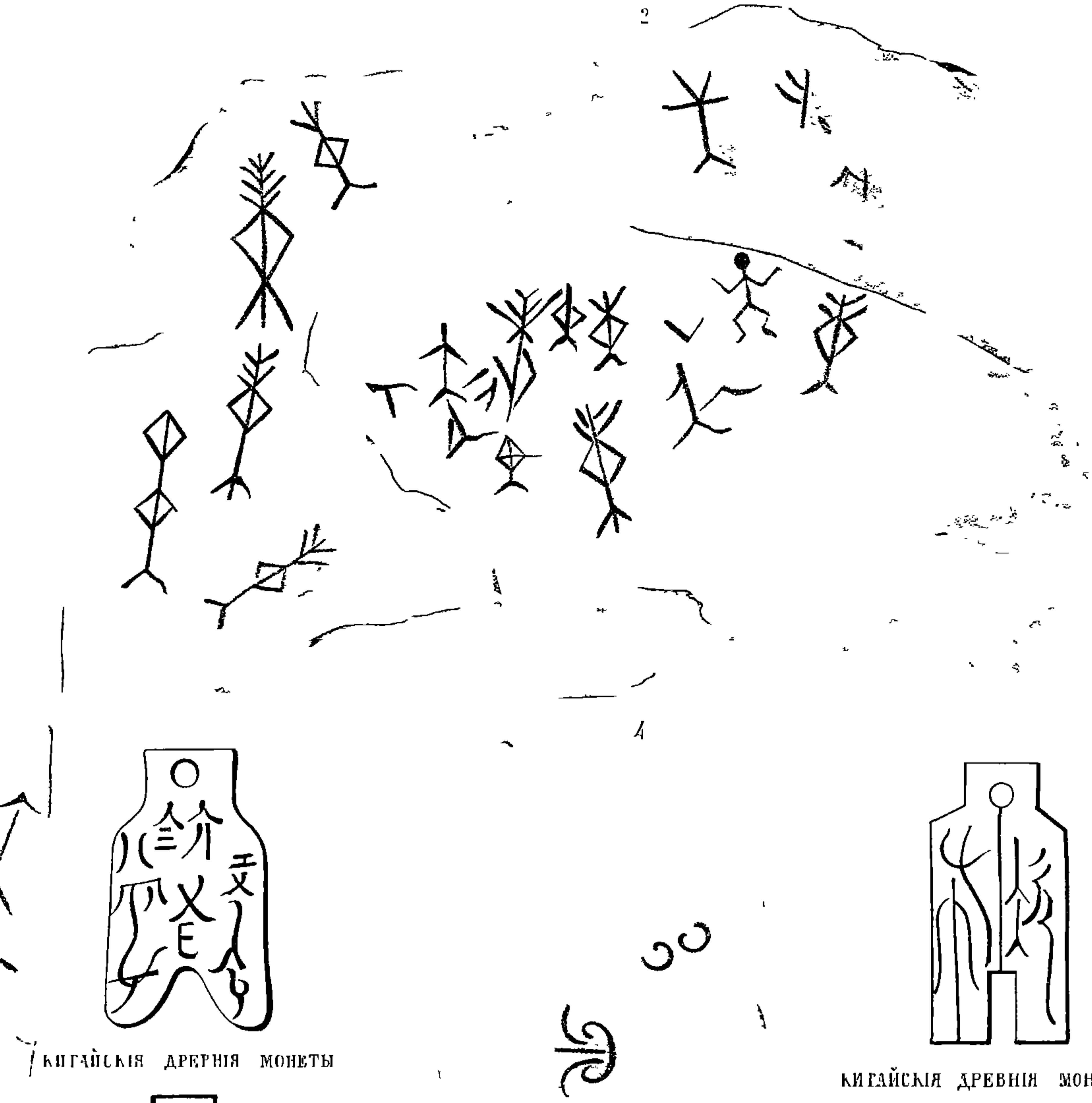
Табл V.

ΓΤΗΛΙΚ; ΑΙΩ) γ: ψ ΣΛΗ Ζ; Η ^} Η: ΞΩ} Η
Ε} ΣΛΗ Ζ; Ζ Σ Η Ρ Ι: Τ Σ > Σ: Ν Υ Λ Ι Ν Β
Σ: Ι Θ. Υ:)) Χ Σ: Ξ Ζ Σ Λ Ζ; Σ Σ Χ Σ Η Σ Υ

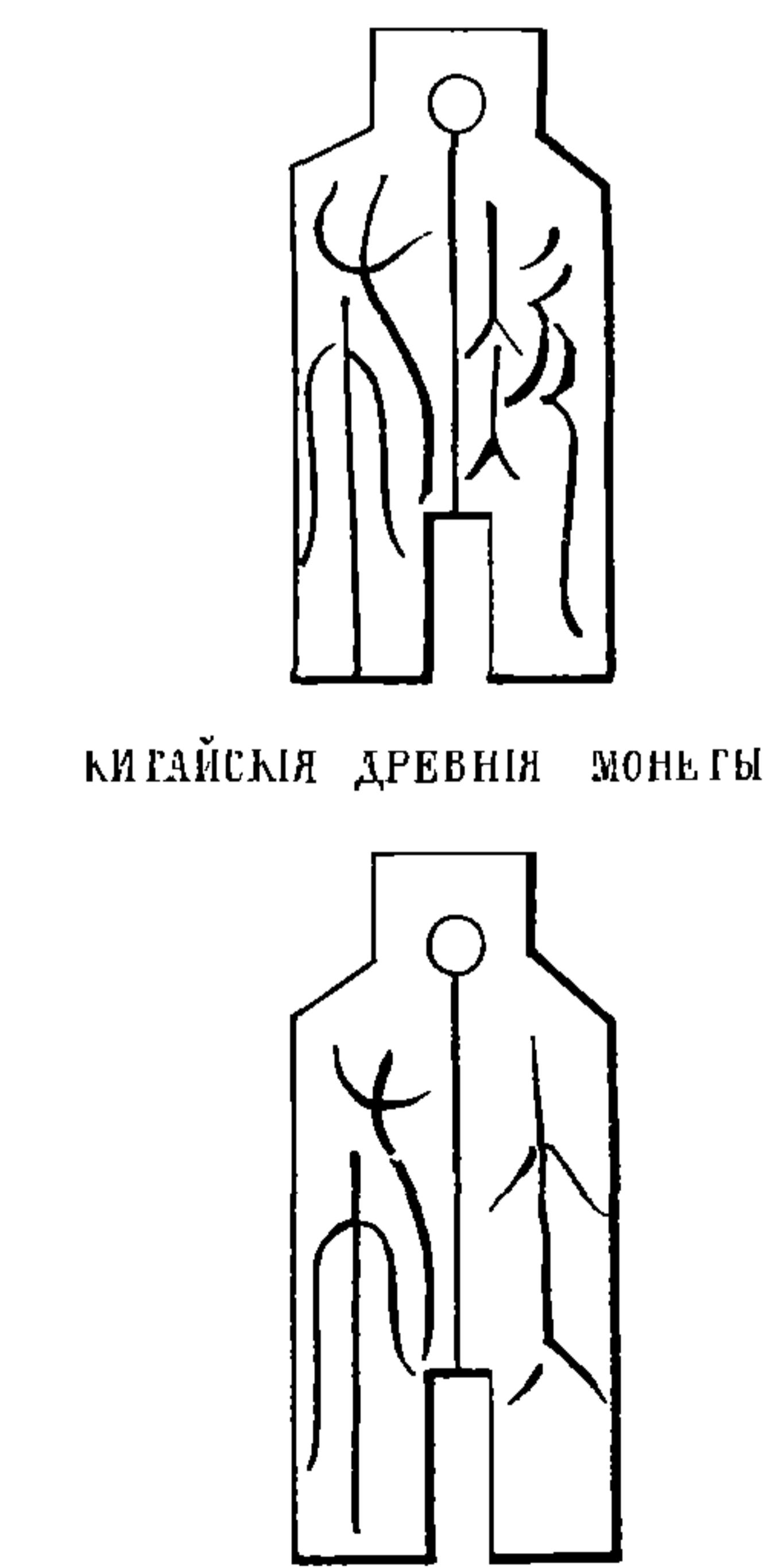
Носи градину съсън
и чакай на сън.
Сън, сън, чакай.

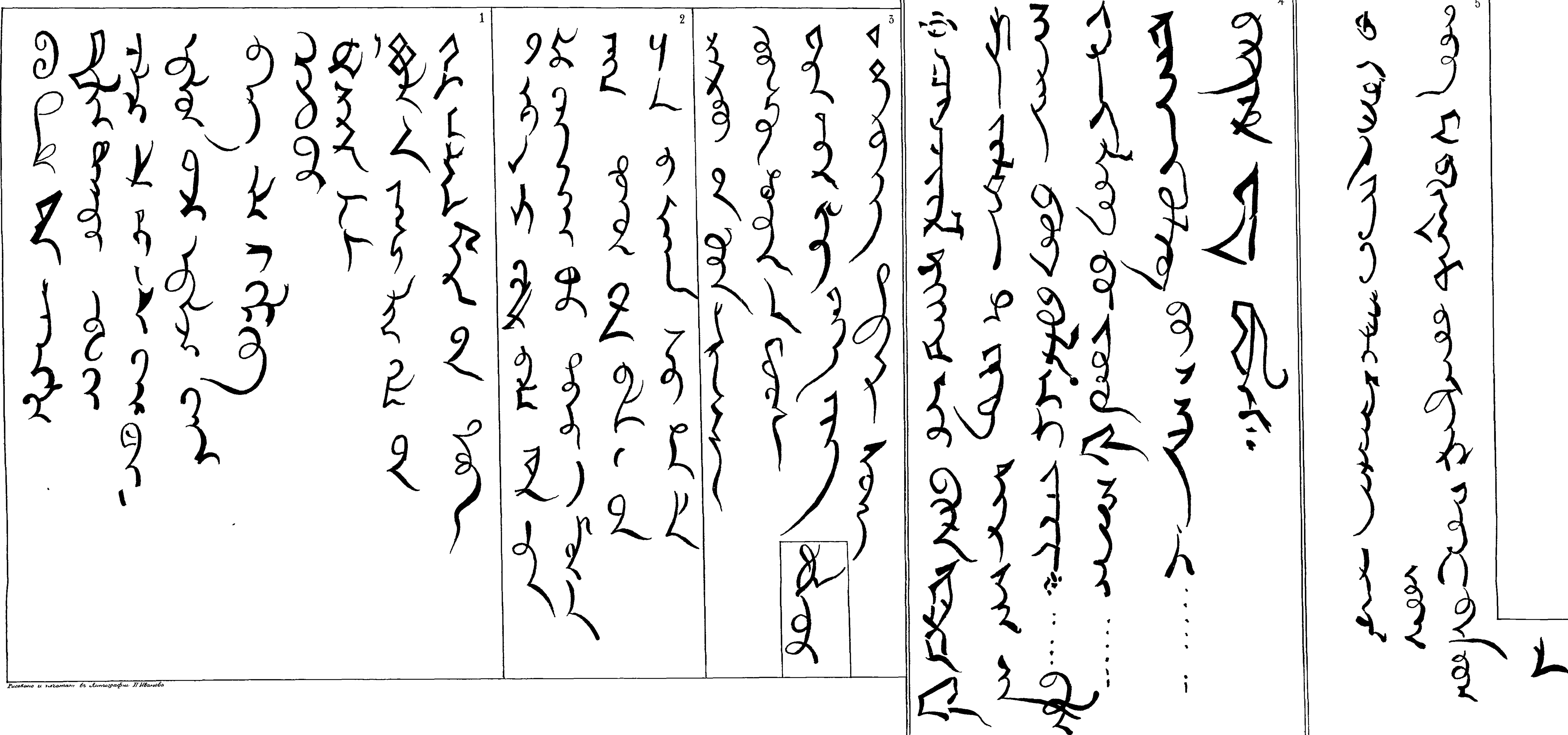
БУКВЕННЫЯ НАЧЕРТАНИЯ НА КАМНѢ, НАЙДЕННОМЪ БЛИЗЪ Г. МИНУСИНСКА,

НЕИЗВѢСТНЫЕ ИРТЫШСКИЕ ЗНАКИ,

ИЗОБРАЖЕННЫЕ КРАСНОЮ КРАСКОЮ

ПИСЬМЕНА, ИЗОБРАЖЕННЫЯ НА УТЕСЪ ПЕРЕВОЗНОЙ ГОРЫ, БЛИЗЪ АВАКАНСКА, НА ЕНИСЕѢ.